

18+

УЛЬЯНА ТУЖИЛИНА

Выход

РОМАН-АНТИУТОПИЯ В 2 ЧАСТЯХ

Ульяна Тужилина

**Выход. Роман-
антиутопия в 2 частях**

«Издательские решения»

Тужилина У.

Выход. Роман-антиутопия в 2 частях / У. Тужилина —
«Издательские решения»,

Две цифры в паспорте определяют твою судьбу: район, работу, брак, круг общения. Ты можешь сменить квартиру, но тип — никогда. Здесь знание о человеке используется как оружие, а исследование психики становится инструментом уничтожения. Смогут ли герои узнать правду, как на самом деле устроен их мир? И что они будут делать, когда цена обрётённой истины — их собственная жизнь? Это история о тех, кто не хочет спасать мир, но пытается спасти себя.

© Тужилина У.

© Издательские решения

Содержание

Выход	6
Часть 1	7
Я обычный сторожевой... (Ф.)	7
Голова горит... (Г)	15
Начал с простого... (Ф)	20
Я так рада, что... (Г)	34
Чихая от пыли... (Ф)	37
На днях... (Г)	46
Меня отправили... (Ф)	48
Тс-с-с... (Г)	61
Ох уж и наше правительство! (Ф)	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Выход

Роман-антиутопия в 2 частях

Ульяна Тужилина

© Ульяна Тужилина, 2026

ISBN 978-5-0070-1012-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выход Роман-антиутопия в 2 частях

Часть 1

Я обычный сторожевой... (Ф.)

Ф

Я обычный сторожевой, следящий за Их собакой. Предыдущий, проработавший на моём посту не более двух лет, умер. По слухам, при загадочных обстоятельствах. И меня взяли на замену.

В мои обязанности входит: разбудить Нору, сварить ей завтрак. Обычно это каша с маслом, ряженкой или молоком, иногда хрустящие хлопья или мюсли. У нас кухня под навесом в отдельном пристрое, куда из посторонних редко кто заходит.

Пока всё готовится, шипит и пенится, я надеваю на неё комбинезон. Запах резины заполняет пространство, причём неважно, чистый он или ношенный. Прибираюсь в будке: вытрясаю матрас, взбиваю подушку, подметаю и протираю пыль. Отдвигаю шторку, проветриваю помещенье. Нора тем временем наводит марафет (баба ведь как-никак): моется, чешется, лижется. Когда завтрак готов, ставлю его остыть, и мы с Норой совершаем утреннюю пробежку рядом с лесом. Вот уж чего-чего, а носиться она любит, нюхая, как за ночь изменилась природа, и виляя хвостом при виде мелких зверушек или птичек.

После пробежки мы завтракаем сваренной кашей. С кусочком масла тарелку облизываем и я, и Нора. Мой друг из «зелёного» надо мной вечно смеётся, что я питаюсь собачьим кормом. Помню, пытался растолковать ему, что входит в это понятие, но он мне не поверил.

На десерт достаю ей яблоки, она с удовольствием их грызёт. А после у нас свободный режим: либо она гуляет по двору, а я за ней присматриваю, либо идёт на прогулку с кем-то из здесь живущих.

К обеду варю ей суп с мясом: борщ, гороховый, с макаронками, а иногда что-нибудь из рыбы — уху или другую похлёбку. Меньше всего она любит супы с кислой капустой, но хозяйка прописала её кормить разнообразными овощами, поэтому в таких случаях делаю особо вкусную заправку, чтобы не привередничала. В качестве салата она с удовольствием грызёт морковку, тыкву или огурцы.

После обеда обязателен сон-час. В это время прошу её лечь в будку или рядом и читаю сказку, пока не уснёт, или пою колыбельные. Они разрешили мне пользоваться для этих целей Их гитарой, поскольку, когда только начал работать, Нора никак не хотела спать после обеда. Но почему-то моя мелодичная игра на этом струнном инструменте её успокаивала, и сейчас она привыкла, поэтому укладывать её с помощью пения мне приходится лишь в исключительных случаях.

Единственное, Нору не заставить зайти в будку, если я не потрясу подушку. Будет упрямо укладываться рядом со страдальческим видом. Бесит, но приходится идти у неё на поводу.

На полдник запекаю в духовке бутерброды с сыром и колбасой и пою молоком. После мы уходим в лес на собачью площадку. Там я её обучаю различным командам: перебрасывать своё тело через высокие препятствия, бегать по узкой дощечке, ходить по высокой, перемещаться между кеглями так, как то никогда бы не сделал медведь, и многое другое. Список того, чему мне надо её выучить, даётся на четыре месяца, а затем мы с ней сдаём экзамен. Экзамен — это... специфическое мероприятие. Напишу о нём позже.

Где-то с час мы занимаемся с ней упражнениями, а затем идём гулять в лес. Вот это моё любимое время дня. У нас единственный лес во всём государстве. В остальных четвертаках только парки. Там не так дико.

В лесу хорошо, тихо и красиво. Деревья защищают от шумов и визгов города, переносят словно в другой мир.

Я останавливаюсь и подолгу изучаю растения, когда лето, и звериные следы, когда зима. Запах земли и прелой травы успокаивает и замедляет. Хотя с тех пор, как я познакомился с... Впрочем, об этом позже. Хотел сказать, что лес — это ещё хорошее, защищённое от посторонних ушей и глаз место для встреч.

Нора тем временем рыскает по кустам хвост трубой и гоняет сусликов и мышей. Иногда мы с ней играем в догоняшки или другие игры — по настроению. Её любимая игра «дразнилка». Она как замечает старую расплюснутую надвое лиственницу, так сразу взгляд хитрющий становится, как у лисы. Прыгает вокруг, хвостом машет и на меня поглядывает — мол, лезь, поиграем! И я, вспоминая детство, взбираюсь, хоть и не так ловко, устраиваюсь на нижних ветках и веду себя крайне неприлично для взрослого совершеннолетнего человека. Потявкая ей в ответ, помяукаю, рожи ей покорчу или помашу кусочком прихваченного сыра у неё перед носом. Она лает, подпрыгивает на задних лапах, роет землю от нетерпения, скулит. Я хватаюсь за живот. А она вдруг раз — и глянет на меня по-человечьи: будто всё про меня поняла! Я застыну от неожиданности. А она и выхватит у меня сыр. И скачет вокруг, довольная, громко чавкает и словно подмигивает. Живая душа среди холодного царства.

Прогулка длится часа два, после чего я кормлю её ужином. Это остатки с обеда либо какая-нибудь еда быстрого приготовления: лапша, макароны, полуфабрикаты, яйца. После этого стягиваю с неё комбинезон и вывешиваю его на улицу проветриться. Каждые два дня его стираю и надеваю на неё другой.

После ужина Нора ложится спать или бегаёт по двору, но я уже сваливаю домой.

Таков распорядок, который сложился задолго до меня и продолжает действовать сейчас. Правда, бывают и исключения: в любой момент кто-либо может забрать её у меня, не сказав, куда, зачем и надолго ли. Для каких целей? Этого мне знать не дано. В конце концов, это Их собака, а не моя, и Они имеют на неё все права, а я — только временный сторожевой. Нянька.

Ф

Честно — я не писал дневники. Вообще мало писал. Сочинения в духе «как я провёл лето» не в счёт. Однако... В общем, есть одна причина, точнее, необходимость, почему я взялся за это совсем не мужское дело. Но сначала предыстория.

Вырезка из учебника по устройству мира 9 класса:

«В допотопный период человеческое общество находилось на доцивилизационной стадии развития. Отсутствовало единое мировое управление, а государства представляли собой конгломераты разнородных групп, состоящих из людей разной идентичности и индивидуальных особенностей. Данная политическая система порождала перманентные конфликты: внутривнутриполитические (массовые волнения, революционные движения, борьба с оппозицией) и внешние (межгосударственные войны за ресурсы и территории). Эпоха тысячелетней нестабильности достигла своего апогея в глобальном вооружённом конфликте, известном как Единая Мировая Война. Эта катастрофа стала непосредственной причиной последовавшего Великого Потопа.

Постигшее цивилизацию бедствие послужило суровым уроком для уцелевших. Они осознали необходимость радикального переустройства общества на новых основаниях. Базовым принципом послепотопного мироустройства стало объединение людей по принципу общности ключевых характеристик личности. Считалось, что жизнь среди объединённых таким способом людей обеспечивает глубинное взаимопонимание, социальную

гармонию и личное благополучие: от создания крепких семей и круга надёжных друзей до эффективного сотрудничества в профессиональной сфере. Этот принцип лег в основу управления единым государством: разделения его на соответствующие районы и обеспечение их неприкосновенности».

Этот параграф каждый школьник знает наизусть. Мы должны помнить, какой ценой нам досталось мирное бесконфликтное время и беречь его. Конечно, у нас есть дружина. Находится на полигоне в одной из площадок Центра, делает обходы, дежурит по ночам, марширует по праздникам, тренирует школьников. И полиция, которая в основном разбирает мелкие хулиганства. Но мы, обычные граждане, главная основа мира в нашем государстве.

И к самому важному. Чтобы поддерживать систему, чтобы правильно разделять людей и сохранять условия для мира и благополучия, требуется изучать поведение людей, исследовать поколенческие изменения, собирать и обновлять данные. Это очень ответственно: ведь если случится ошибка, если кто-то чужой попадёт не в подходящий район, он может быть той каплей, которая будет точить даже самый твёрдый камень, разрушать систему, провоцировать конфликты. Жизнь такого человека и его ближайшего окружения может быть омрачена ссорами и непониманием.

Для этого Они регулярно берут кого-то из нас для исследований. Неважно, какого ты возраста, социального статуса и способностей. Для полной картины нужны все. В Центре есть разные институты, занимающиеся изучением человека: мужчин, женщин, детей. Им регулярно нужен свежий материал. Считается большой честью и удачей — послужить человечеству.

И мне выпала честь быть таким материалом.

*****Ф*****

В детстве я любил разбирать и собирать различные устройства, приборы. Интересовался физикой, с увлечением работал руками. Поступил в университет на радиотехника и даже смастерил прослушку для помощи на экзаменах. Считал себя способным в своей области, хотел развиваться и приносить пользу как специалист.

Когда мне пришла повестка явиться в прямо в Центральную Резиденцию, а не просто в один из институтов Центра, я заволновался. Ходят слухи, что особо талантливых иногда берут туда для повышения. Это и статус, и другой уровень дохода, и более значимая деятельность. Неужто меня, такого молодого и зелёного, уже заметили?

Ко встрече я готовился, предполагал, какие вопросы мне могут задать, какие тесты устроить. Но всё вышло... не так. Меня встретил какой-то бесцветный пожилой мужчина, который сказал, что университет мне больше не пригодится, на ярмарку я тоже пока не должен выходить. Выдал мне инструкцию, показал рабочее место и сказал начинать с завтрашнего дня. И проводил на выход.

Я так и опешил: это моя новая работа? Тупо следить за собакой?? Почему такая? И главное — с чего именно я? Но дед был молчалив и половину моих вопросов пропустил мимо ушей.

Прошло немало времени, прежде чем я смирился с тем, что взяли меня не за мои таланты. И моя специализация, мои технические идеи никого не интересовали...

Выдернутый из возможности учиться тому, что вдохновляет, жить студенческой жизнью, общаться с друзьями, взамен я получил совершенно бессмысленное дело. Разве нельзя между делом покормить собаку? Разве она не может сама гулять, где хочет? Разве обязательны все эти дурацкие команды? Неужели нельзя использовать меня с большей пользой и эффективностью?

Надеялся, вдруг это ошибка. Меня ведь не с концами забрали, оставили в своей квартире. Верил, что недоразумение разрешится, и мне в конце концов разрешат вернуться в университет, к одноклассникам. Или хотя бы на ярмарку. Ждал месяц, ждал другой. Но ничего не происходило. Попытки выяснить ни к чему не привели. Как-то я пытался найти здесь администратора или кого-то, с кем можно поговорить. Через час пришли двое в масках, схватили меня

и развернули лицом к стене. И популярно объяснили, что мне запрещено выходить за пределы своего рабочего пространства и искать кого-либо. Что когда нужно, ко мне сами выйдут.

И я не выдержал. Стал пить. Познакомился с одной барменшей в нашем «болотном», ей лет около тридцати пяти. И она в своём баре угощала меня ароматными самодельными настойками, а я вечер проводил там, делая вид, что пью вино, на самом деле глотая окрашенную водку. Мы мало общались, но она сама как-то угостила меня чем-то более крепким, и я не отказался. Приходил и садился куда-нибудь в угол, а она, обслуживая клиентов, успевала принести мне мою бутылку.

Алкоголь помогал ярче страдать из-за своей жизни, а порой забивать. Но утром белый свет казался куском дерьма. Тем не менее я приходил опять. Как-то раз она под села ко мне. Это как раз было после первого экзамена. Наверное, видок у меня был ещё тот.

— Смотрю на тебя, — она сдержанно улыбнулась, — и думаю: кто же тебя так уделал, что ты всё пьёшь?

Она первый раз заговорила со мной об этом. Я прищурился и оглядел её. Короткая стрижка, ноль косметики на лице, внимательный взгляд. Неужели ей действительно интересно? Почему она спросила сейчас?

— Я что, выпил все твои запасы? — хмыкнул, делая очередной глоток и не морщась.

Она слегка поджала губы:

— Ставлю бутылку, что дело в женщине.

— Банально мыслишь! Гони бутылку.

Она недоверчиво прищурилась, но пошла и взяла ещё одну. Какой-то посетитель открыл дверь, оглядел пустой бар и удалился. Я нам разлил, и она продолжала:

— Так в чём дело, если не в юбке? На алкоголика ты не похож. Пока.

Я ощутил в горле тепло, а на языке лимонное послевкусие.

— Ты любишь свою работу? — спросил в лоб.

— Вполне, — пожала плечами она. — Сама выбрала.

— Поздравляю! — я с силой поставил пустой стакан на стол. — А мне не дали.

— Хм... — она поскребла ногтем по стакану. — А где работаешь?

— В Центральной Резиденции.

Её губы дрогнули, словно я ляпнул что-то запретное.

— Повышение — это не мой случай, — поспешно добавил я следом.

— И что там такого страшного? — участливо спросила она, хотя в её взгляде я уловил толику любопытства.

Я закашлялся, давясь своим напитком.

— Нам ведь нельзя рассказывать... Мне там не нравится. Я хочу назад, к ребятам, к учёбе и к любимому делу.

Она пожала плечами и уставилась на бутылку, будто надеясь найти на дне ответы на все вопросы. Воздух сгустился. Слышно было каждое слово какой-то тихо играющей песни. Мы, «болотные», даже под градусом не слишком разговорчивы.

Вдруг её губы растянулись в улыбке — плоской, снисходительной, от которой мне захотелось провалиться сквозь пол.

— Ребёнок, — выдохнула она, и это прозвучало как приговор. — Совсем ещё щенок. Чем ты думаешь? Сидишь в двух шагах от тех, кто правит этим миром, и что?

Она отхлебнула из стакана резко, почти зло.

— Возьми да женись на какой-нибудь Их дочке. Войди в доверие. И тогда делай что хочешь. А ты? — Она фыркнула. — Ты умеешь только ныть, как младенец, у которого отняли соску. Ни намёка на фантазию. Ни искры. Жалею тебя, конечно, но...

Она замолчала, достала сигарету, покрутила её в пальцах, но так и не закурила. Только смотрела на меня сверху вниз. Вдруг кто-то прибавил громкость, и убогий шлягер грубо врезался в тишину нашего угла. Из-за двери послышался звон бьющегося стекла.

— Ну спасибо, — я отпихнул свой стакан, вставая, — сразу лицом в грязь! Прирождённый психолог.

Сказав это, я встал, развернулся и, пошатываясь, пошёл прочь. В нос ударил запах дешёвых сигарет. Губы мои дрожали от обиды. И от злости, что не справился с эмоциями и спровоцировал другого человека на конфликт. Больше ноги моей в этом баре не было.

Дома долго сидел, уткнувшись в одну точку, и размышлял о своей жизни. Впрочем, это стало входить в привычку.

Но, как ни странно, именно эта женщина своим монологом и этим «но», за которым моя фантазия нагородила кучу нелестных эпитетов, впервые навела меня на мысль о возможностях моего положения. Начал приглядываться к тому, что происходит вокруг, и постепенно стал замечать интересные детали. И работа со временем перестала меня настолько напрягать. Прошёл второй экзамен. Я справился. А примерно через полгода после нашей с барменшей ссоры мне разрешили посещать ярмарку, как всем нормальным людям. И вот недавно, в завершении...

Ф

Это случилось около недели назад. Мы с Норой заканчивали свои собачьи испытания и собрались в лес. Со стороны главной дороги из-за деревьев показалась девушка. Я первый раз её видел. Невысокая, стройная, походка лёгкая и грациозная. Волосы каштановые, слегка выющиеся, чуть ниже плеч. Приятное, чуть встревоженное лицо, добрый открытый взгляд. А на губах — загадочная полуулыбка.

Хотя что я вру. В первый момент я так и замер, поскольку никогда за моё время работы никто не появлялся в лесу. И мне почудилась опасность. Отчего девушка показалась не такой милой, как я описываю её сейчас. Кажется, мне привиделась в ней стервозность, посланная меня соблазнить.

К ней с радостным лаем бросилась Нора и замахала хвостом, кружась и подпрыгивая.

— Нора! Норочка моя! — девушка потрепала собаку по голове.

«Проверка для меня», — подумал я и попытался сосредоточиться. Но не успел: она подошла ко мне и, изящно протянув руку, проговорила:

— Привет. Ты Фредли, да? Меня зовут Милена. Я... просто гуляла неподалёку.

— Рад знакомству, — слегка сжал её тоненькие пальцы. Кожа была мягкой. — Мы идём в лес.

— Прекрасно, я с вами.

Мы пошли по дорожке в сторону сосновой рощи. Я намеренно выбрал этот путь. Ведь если ей что-то от меня нужно, то лучше, чтобы разговор был без лишних свидетелей. А в той части леса, куда мы направлялись, легко укрыться от возможных любопытных.

Первое время шли молча. Только шуршание травы, хруст веток под ногами и густой запах влажной земли после вчерашнего дождя. Я решил не совершать никаких попыток к разговору, а терпеливо ждать, когда начнёт сама. К счастью, долго ждать не пришлось.

— Извини, если помешала тебе, но давно хотела с тобой познакомиться. Слышала, как ты пел Норе. У тебя красивый голос.

— Спасибо, — усмехнулся я, но как-то неловко. До сей поры мне казалось, что меня все за сумасшедшего принимают, ведь пою собаке!

— Как тебе здесь работается? — спросила после паузы.

— Неплохо. Главное, кормят хорошо. Дивана, правда, нет — это большой минус. Можешь передать... кто там у вас главный.

— Понятно... — она снова замолчала. — И... тебе здесь нравится?

— Я ж говорю: вполне.

Интересно: неужели рассчитывала, что буду жаловаться на своё рабочее место? Причём ей, совершенно незнакомой мне девушке, посланной с неизвестными целями?

Усмехнувшись, она заметила.

— Ты вправе мне не доверять, — улыбнулась она. — И да, знаю: шпион из меня никакой.

— Значит, тебя послали Они? — спросил прямо.

Она колебалась лишь мгновение. Тряхнув головой, смело посмотрела мне в глаза.

— Да.

Что ж, коротко и по существу.

— Меня действительно послали к тебе. Узнать, что ты знаешь о Резиденции, о Них, о том, что здесь творится. Но я больше не играю в эти игры, — нахмурившись, она поспешно убрала за ухо выбившуюся прядь. — К тому же ты догадался, а он — нет.

— Он — это предыдущий, да?

Она кивнула. И после небольшой заминки продолжила:

— К нему направили моего брата, Алека. Они подружились, и тот ему всё рассказал. Алек же по своей наивности передал Им. Хотя и не всё, но этого было достаточно, чтобы...

Она сделала паузу. Я ждал.

— В общем, он слишком много знал.

Воцарилось недолгое молчание. Мы стояли друг напротив друга, и на этот раз я посмотрел на неё так, что она отвела взгляд.

— Меня тоже уберут? — спокойно спросил я.

— А ты много знаешь? — с живостью перебила она.

Ну, в игру «Вопросом на вопрос» я могу играть долго.

— Хочешь, чтоб я раскрыл свои карты?

— Значит, ты всё ещё мне не веришь?

Она смотрела на меня с вызовом и странно, будто волновалась за меня. Её правая бровь приподнялась и изогнулась, а левая почему-то осталась на месте. Интересно, она специально ей пошевелила, или это происходит само, без какого-то усилия?

— Ладно, начну первая. Судя по всему, иначе из тебя слова не вытянешь.

«Значит, ей всё-таки нужно меня разговорить», — мелькнуло у меня, но пока решил не озвучивать мысли вслух.

Проведя рукой по волосам, девушка вздохнула и бодрым голосом начала:

— Раньше мы были совсем детьми и наивно верили, что наши родители по-доброму и справедливо управляют государством.

«Ага, Милена — дочь одного из Них», — подтвердил догадку.

— Кое-какие несостыковки случались, но в целом ничто не нарушало сей веры. Мы жили хорошо и счастливо... Как-то раз отец пришёл к Алеку и сказал: «Ты уже взрослый, поручаю тебе ответственное задание. Ты должен пообщаться с Эрнестом, сторожевым нашей Норы, подружиться, найти общий язык. Порасспрашивать его о работе. И потом рассказать нам всё, что ты узнал». Вообще-то нам не разрешается просто так общаться с теми, кто приходит сюда работать. Мы можем только наблюдать из окон и сплетничать в своём узком кругу. И конечно же, Алек с радостью и гордостью согласился выполнить поручение. Ему не составило труда подружиться с Эрнестом. Он у нас общительный, весёлый, с кудряшками такими и красавец! Они общались почти каждый день и за две недели неплохо сошлись. Единственное, Эрнест не верил во благо существующей системы и критиковал экзамены. Они часто спорили с Алеком. Эрн умел спокойно и без лишних разглагольствований разбить все наши доводы и построить свои. Он, ничего нам не навязывая, заставил нас задуматься и мог задать такие вопросы, от которых у нас взрывался мозг.

Она говорила, глядя в одну точку, и теребила сорванный с дерева листок. Заметно волновалась. Я внимал каждому слову.

— Потом, когда пришла очередь рассказывать отцу, Алек первым делом стал спрашивать всё, что у него накопилось. Но отец-то у нас тоже мозг ещё тот. Он точно так же разбил доводы Эрнеста или, по крайней мере, попытался это сделать... После этого разговора мы больше не видели нашего нового друга — вроде как ему дали отпуск. Но он не вернулся. И никто его больше не видел. Он просто исчез. Представляешь, каким это было для нас шоком.

Она умолкла и посмотрела на меня. Её взгляд выражал муку.

— Мы не знали, что и думать. Среди нас есть один парень, Армен, старший из Их детей, он первый озвучил эту мысль: «Оставьте свои розовые сопли. Посмотрите правде в глаза. Это Они убили Эрнеста». Я до сих пор слышу эти слова.

Она опустила на корточки и сжала виски. Я присел рядом и с беспокойством смотрел на неё. Подбежавшая Нора уткнулась ей в коленки.

Но Милена не заплакала и не упала в обморок, чего боялся, только некоторое время сидела и сосредоточенно думала. Затем подняла на меня взгляд и тихо продолжала:

— С тех пор наши пути с родителями разошлись. Мы делали вид, что всё в порядке, но сами стали общаться чаще между собой. А когда Они предложили мне пообщаться с тобой, то я сразу поняла, в чём здесь дело. И я здесь, Фредли, потому что не хочу повторения судьбы Эрнеста. Я хочу, чтобы ты жил.

При последних словах Милена встала и в упор посмотрела на меня, ожидая ответа. Она была немного бледна: переживания двухгодичной давности прочно врезались в её память. Я поднялся и чуть дотронулся до её локтя.

— Спасибо за откровенность. Но это рискованно. А вдруг я бы использовал твои слова против тебя?

Она растерянно захлопала глазами:

— Но ты ведь не сделаешь этого, да?

В её глазах читалась мольба и какой-то глубинный страх, что я вдруг ощутил себя последней скотиной и одновременно испытал прилив доверия к этой хрупкой девушке.

— Нет, — поспешно заверил её я. — Мне это не нужно. Да и знаю я не так уж много.

Я остановился. Не хотел быть опрометчивым и делиться в первый же день знакомства. Однако почему-то брякнул, не удержавшись:

— Я коллекционирую номера паспортов.

Она встрепенулась.

— Ты серьёзно? Это ведь... запрещено законом!

— Знаю. Но надо же с чего-то начать. Пытаюсь понять, почему именно так нас поделили.

Я замолчал. И так выдал достаточно. За эти слова запросто могу отправиться вслед за своим наивным предшественником. Но почему-то её взгляд снимал мои внутренние барьеры и заставлял верить.

Сейчас в её глазах искрилась настоящая радость. И надежда.

Милена вдруг сделала шаг ко мне и схватила за руку:

— Фредли... Ты как раз тот, кого я искала! Мы там давно что-то пытаемся, но эти знания рассказываются только избранным и после определённого возраста. Давай вместе! Я буду помогать — всё, что услышу, всё, что узнаю, сразу тебе. А ты... ты будешь всё это собирать и анализировать. Вместе мы точно во всём разберёмся!

Глаза её блестели от этой новой идеи и заражали меня.

— Согласен. Но при условии, что это останется между нами. Никаких твоих братьев и их друзей. И ещё: если кому-то из нас будет угрожать опасность, мы расходимся. Без лишних вопросов. И да, третье — мне нужны номера паспортов всех, кто живёт у вас.

— Приятно иметь с тобой дело, — Милена расплылась в улыбке. — Единственное, номера будет достать непросто. Я про Них. А так знаю паспорта Алека и Спирита, моих братьев. Да, ещё есть Аля, моя подруга. И Армен.

Она достала из кармана блокнот, вырвала листик и огрызком карандаша записала какие-то цифры.

— Спасибо, — обрадовался я, беря листок. — У тебя отличная память.

— Мы много думали про эти числа. Не могла не запомнить, — улыбнулась она. Её улыбка показалась мне маяком на забытом всеми острове. — А теперь мне пора. Буду сюда приходить по возможности. Сейчас будет проще: ведь я выполняю Их задание!

Она помахала мне рукой и быстрым шагом направилась назад, в сторону Резиденции. Я ещё долго и задумчиво смотрел ей вслед.

Ф

После этой встречи я как будто проснулся. Как тупо тратить своё время на уныние и алкоголь! Но всё, пора начинать жизнь с чистого листа. В прямом смысле. В тот же день пошёл и купил себе толстую тетрадь, и вот уже несколько дней с перерывами пытаюсь записать всё, что необходимо. Решил: это у меня будет дневник для исследований. Сюда буду помещать свои мысли, факты, анализ, наблюдения и события, связанные с моей, отныне не безопасной, жизнью.

Конечно, у меня нет иллюзии, что Они добрые и справедливые. Власть для сохранения мира порой требует непопулярных решений. Но вот система, по которой мы живём, после встречи с Миленой стала манить меня, как мотылька свет. В чём её смысл? Почему нас распределили именно так?

Я решил разобраться. И плевать, что мой глупый предшественник плохо кончил. Да, я тоже могу сдохнуть в любой момент. Но, чёрт возьми, эта вся история и впрямь вернула мне вкус жизни!

А что касается закона, буду спокоен и осторожен, как обычно. До сих пор я ни в чём не уличён, вёл себя образцово, поэтому пока, думаю, бояться мне нечего.

Итак, да здравствует новая жизнь щенка, нашедшего своё предназначение!

Голова горит... (Г)

Г

Голова горит, в сердце гудит, а перед глазами всё движется в тумане. Лежу на кровати с утра, уставившись в потолок. Скучно. Грустно. Никто не приходит и не приносит мне лекарство. Никто не развлекает меня весёлыми историями из жизни. Никто не скажет, как он мечтает, чтобы я скорее выздоровела!

Эль ночует у родителей, её застеленная кровать навевает тоску. Мои родители вообще в другом районе, с этим тоже не повезло. Так что некому меня подбодрить, придётся самой готовить себе полоскание и ягодный чай. Потому что завтра мне непременно нужно выздороветь и быть на ярмарке! Я давно задумала этот поход.

Одной, правда, неохота. Может, Пашу взять? Он, скорее всего, зайдёт сегодня, увидит, что со мной, и поухаживает. Что мне нравится в людях нашего района — это их готовность помочь, если кто-то в этом нуждается. Кого бы я сейчас ни позвала — Пашу, Эль, тётку — все бросили бы свои дела и пришли бы ко мне. Недаром наш «персиковый» считается самым отзывчивым и внимательным к людям.

Нет, не возьму Пашу. Он такой хороший и замечательный, что этим самым иногда меня жутко бесит. Как быть с человеком, который всё терпит, не обижается (или если обижается, то не показывает этого), любит тебя и дышит каждым твоим движением? Я не могу постоянно чувствовать себя виноватой за своё с ним поведение, за то, что у меня нет к нему взаимных чувств. Хуже всего то, что с ним я становлюсь избалованной девицей, капризничаю, дуюсь на него по поводу и без повода, с трудом сдерживаю себя, чтобы не порвать с ним окончательно. Сама же на себя злюсь за это, но ничего не могу поделать.

А завтра хочу отдохнуть морально от всего, походить, отвлечься. И повидать совсем других людей. Я так устала от наших! Хочется видеть и суховатых логиков, и красиво одетых сенсорики, и диких экстравертов. Хочу людей, движения, радости жизни! Надоело это гнилое болото, в котором живу!

Г

Устала...

Э-эх! Какое наслаждение завалиться на кровать и, попивая чай, не спеша выстроить свои мысли на бумаге!

Итак, пришла туда к двенадцати. Ярмарка была в разгаре. Запах тел, духов и денег, смесь громких звуков, смеха и блеска глаз.

Обычно хожу по торговым рядам своего или соседних районов. Переться несколько километров до торговых рядов других районов — нет уж, увольте. А транспорт специально сегодня не ходит. Давно поняла: властям не выгодно, чтобы мы общались с совсем не похожими на нас людьми.

Но сегодня расстояния меня не пугали. Дело в том, что на другом конце обитают «зелёные». Бабушка утверждает, что до Великого потопа именно они считались идеальными для жителей нашего района. А бабушка у меня всё знает.

На самом деле мне сложно представить, как может быть гармония с таким противоположным человеком. Вот я уже целый год и собираюсь проверить. А взялась только сейчас.

Положила с собой немного фруктов и отправилась в путь. Обойдя подальше район бабушки, оставив позади наш четвертак с именем «Солнце», вошла в «Воду» — обиталище логиков-интуитов.

На самом деле у меня была цель для прикрытия, чтобы без смысла не тащиться непонятно куда. В школе, где работаю, у директора сломался компьютер. Причём не просто сломался, что

его, как обычно, сама директор и чинила. На этот раз он вообще не включается, я пыталась посмотреть, что там, но бесполезно. Мы опасаемся, что исчезли все данные о школе, учениках, учителях и много-много всего, что хранилось в этом компьютере. Директор дала нам задание — поспрашивать у знакомых, что это может быть. Поскольку компьютеры у нас имеются только в некоторых государственных учреждениях, сервис по их обслуживанию в нашем районе и четвертаке совершенно не развит. Слышала, что в некоторых районах эти устройства выдают домой в личное пользование, потому у них сервисные центры на каждом углу. Сложно такое представить!

В общем, собиралась спросить у представителей двух районов, которые, по слухам, лучше всех в этом разбираются: «синих» и «зелёных». Вторые, собственно, и есть мои дуалы. «Синие» располагаются в четвертаке четвёртыми, и я прошагала ещё минут 40—50, прежде чем добраться до них. Свернув с дорожки к торговым рядам с ярко-синими столами, увидела следующую картину.

Много людей в основном мужского пола (и чаще в очках) стояли за прилавком и предлагали какие-то головоломки, наподобие кубика Рубика, брошюры со сложными логическими задачками и логическими парадоксами, тесты на IQ и прочие пособия. Обратила внимание на отдел литературы про компьютеры и удивилась: кому захочется описывать такую скуку? Тем не менее это было как раз для меня, и я решила обратиться к одному из продавцов, глаза которого прятались под непослушной чёлкой.

— Здравствуйте. У вас есть книга по поломке компьютера?

Молодой человек, не ответив на моё приветствие, ровным голосом ответил:

— Смотря что сломалось. Что у вас, винчестер полетел?

— Не знаю точно. Просто не включается.

— Хм... У вас какой процессор?

— Не знаю.

— А блок питания работает?

— Блок питания?..

Я почувствовала, как щеки наливаются жаром. С каждой его фразой я всё меньше понимала и всё сильнее ощущала себя глупой школьницей, случайно заглянувшей на взрослую конференцию. Он ждал ответа, а я молчала, опустив глаза. Стыд подступил к горлу, и я уже хотела уйти. Как неприятно с самого начала прогулки попасть в такую дурацкую ситуацию.

Но, к счастью, рядом раздался мягкий женский голос:

— Наверное, у вас новый вирус, который уничтожает BIOS. Возьмите эту книгу, она недавно написана и как раз по таким вопросам, — и протянула толстенный мухобойник под названием «Ваш компьютер заболел».

— Да, спасибо, — пробормотала я и, быстро расплатившись, пошла прочь от этого занудного района.

Мне было жарко. Не ожидала такой подставы! И от кого, от «синих»? Мне много хорошего рассказывали про них — что они такие прикольные, добродушные, замороченные немного, а так — просто лапочки! Но увы, я ошиблась. Первое впечатление о них как о высокомерных занудах.

Достала купленную книжку и полистала её. «Ваш компьютер заболел». Что за примитивное название! Словно компьютер — живое существо. У нас вон продают книги «Ваш ребёнок заболел». А они, наверное, детей лечить не умеют, только компьютеры.

Мысль развеселила. Шла и постепенно успокаивалась. Может, быстрая ходьба благотворно повлияла, а может, другая обстановка — уже не «Вода», а «Лес». И правда: чего это я так обозлилась? Может, он и не думал меня садить в лужу, а просто задал вопросы, на которые у них в районе каждый знает ответы. А я по своей глупой привычке всё приняла на свой

счёт. Всё, короче: надо срочно подумать о приятном и настроиться на хороший лад. К тому же цель близка.

Километры подходили к концу, и я приближалась к району моих дуалов. Надо сказать, что мне уже расхотелось спрашивать кого-либо про компьютеры. Ну их в баню, эти процессоры и блоки питания! Книжка у меня уже есть, отдам её в школу — пусть там разбираются. А дуалы — это святое... У меня аж сердце трепетно забилось, и я, с трудом сдерживая волнение, прокралась в их торговые ряды.

Сначала попала в отдел с одеждой, где преобладал деловой и спортивный стиль. Решила не останавливаться и особо не оглядываться по сторонам, а идти дальше. Я искала глазами книжный отдел, как что-то знакомое и родное. И я нашла его, но он был невелик. Ко мне сразу обратился коротко стриженный парень стильного вида и, лучезарно улыбаясь, спросил:

— Здравствуйте, девушка! Чем могу быть полезен?

Такого внимания к себе я не ожидала. Смущённо улыбнувшись, ответила:

— Спасибо, я пока сама.

— Спрашивайте, если что.

Я скользила взглядом по названиям книг: «Как заработать быстро и основательно», «Как совместить карьеру и любовь», «Строю дом под ключ». Полистала первую книгу. Прочитала оглавление. Аннотацию. Отзывы на обратной стороне. Несмотря на дурацкое название, содержание вызвало у меня интерес. Когда-нибудь бы купила.

Продавец оставил меня и чуть поодаль продолжил прерванный разговор с покупателем, чью безрадостную фразу я краем уха услышала:

— ...Посоветуй, а? А то я разорюсь на этих золотых кольцах и украшениях.

— Ты хочешь жениться или...? — оба покосились на меня.

Я отложила книгу и схватила другую, про карьеру и любовь. Сделала вид, что увлечённо читаю.

«Комплимент — главное оружие мужчины. Говори его непринуждённо, уверенно и глядя в глаза».

Продавец вполголоса продолжал:

— У нас вышла книга по женской психологии. Парни говорят, помогает. Как часы. Сэкономить тоже.

Я скосила взгляд на название: «Женщина: инструкция по применению». Это что ещё за...

— Отлично! — радостно проговорил покупатель. — А там есть... — он замолчал и сделал тон ещё тише. Я превратилась в большое ухо. — ...Как не спалиться?

Продавец снисходительно похлопал его по плечу:

— Даже когда спалился.

Мои чувства словно окаменели. Я автоматически листала книгу, читая случайные фразы:

«Не проси прощения. Обними её и скажи, как она вкусно готовит».

«Будь галантен всегда. Кассирша, уборщица — тоже женщины».

Их хорошее отношение — залог успешной карьеры».

Тошнотворный комок подкатил к горлу, и я закашлялась. Покупатель уже расплачивался за инструкцию по использованию женщины.

— Вы как, выбрали?

Продавец обратился ко мне. Его улыбка показалась мне с привкусом шовинистской самоуверенности.

Я не могла ответить. Чувствовала себя одураченной. И это — мои дуалы? Может, я ошиблась? Может, бабушка что-нибудь перепутала?

Это же сколько женщин попадает под влияние подобных мужчин! Как они могут так относиться к чувствительному и ранимому женскому сердцу? Невыносимо, что они так грубо и примитивно разрушают всё прекрасное, что есть в отношениях между полами. Я уже повернулась, чтобы молча уйти, но в последний момент не выдержала и зло бросила с чувством:

— С таким отношением к женщине вы никогда не будете счастливы!

И ушла. Кажется, продавец что-то говорил мне вслед. Но я не останавливалась.

Отошла в парк и села на скамейку. Нужно было успокоиться, собраться с мыслями и силами, чтобы проделать непростой путь обратно. Сидела и безрадостно смотрела перед собой.

Вдруг меня окликнули. Это была влюблённая пара, прогуливающаяся по парку.

— Вам чем-нибудь помочь? — спросила у меня девушка.

У неё было счастливое круглое лицо, она улыбалась от всей души.

— Нет, спасибо, я в порядке, — вымучила из себя улыбку.

— У вас выпала книга, — заметил её кавалер.

Прежде чем я успела сообразить, он подошёл ко мне и подал мой мухобойник. В тот же миг девушку кто-то окликнул, и она отошла, а молодой человек сел рядом.

— Вы из «зелёного»? — спросила я сразу же.

— Да, — ответил он, приветливо улыбаясь.

«Всё понятно, — подумала я. — Девушка ушла, а он подсаживается к другой».

— А вы увлекаетесь компьютерами? — поинтересовался он.

— Нет, — сдержанно ответила я. — У нас в школе он сломался, вот и купила книгу о том, как его наладить.

— А в чём причина? — участливо спросил он. — Я разбираюсь в этом, могу подсказать.

— Неважно, — буркнула я, вспомнив свой неудачный опыт у «синих».

Но в тот же миг себя одёрнула: зачем я так резка с этим человеком? Так нельзя, да и он мне ничего плохого не сделал! И, смягчившись, поспешно добавила:

— Вряд ли вы сможете помочь, я не знаю причины. Однажды он не включился — и всё.

— Хм, — задумался он. — А какая у вас операционная система?

«Начинается!» — с досадой подумала я и уныло ответила:

— Не знаю.

Я приготовилась увидеть снисходительную улыбку или раздражённый взгляд. Но он не усмехнулся и не отстранился. Наоборот: спокойно почесал бороду и, будто продолжая самый обычный разговор, заговорил размеренно и понятно:

— Операционная система — это основа компьютера. Программы, которые запускаются первыми и позволяют работать со всеми остальными. Без неё компьютер просто не включается. Операционная система может быть «Roofs» или, например...

Я смотрела на него во все глаза, не веря, что можно объяснять такие вещи без высокомерия, так просто и ясно, словно речь шла о том, как вскипятить воду в чайнике.

— Да! Знаю! — перебила его я. — У нас «Roofs ЧЗ»!

— А блок питания работает? — продолжал интересоваться молодой человек.

— Блок питания?..

— Это такая штука, — как ни в чём не бывало продолжал мой дуал, — которая отвечает за распределение тока — ведь в разные части компьютера подаётся разное напряжение. Блок питания находится вверху системного блока, к нему подключается чёрный шнур с тройной вилкой.

— Я его видела, — с волнением произнесла я, чувствуя, как тепло постепенно возвращается в тело.

Казалось, не может быть лучшего открытия сегодня, чем понять, что такое блок питания!

- Компьютер шумит, когда его включают?
- Нет. Он вообще не издаёт никаких звуков.
- Значит, проблема в блоке питания. Можете купить его у наших.
- Ой, спасибо! Вы так добры!
- И я заметила, что улыбаюсь.

Он только кивнул, пожелал мне удачи и отправился к своей девушке, а я побежала на ярмарку, боясь, что скоро всё закроется. С трудом найдя запчасти для компьютера, попросила девушку в строгом костюме дать мне блок питания. Хотела на радостях подарить ей купленный у «синих» мухобойник, чтобы не тащить его обратно, но постеснялась. Довольная, бодро зашагала в сторону дома по тому же пути. Не чувствовала мозолей, которые натёрлись от длительной ходьбы, было хорошо и радостно.

И под конец маленькая зарисовка.

Привычка смотреть под ноги избавляла меня от созерцания стольких разных людей, из-за которых я уходила сейчас домой, устав от шумных впечатлений ярмарки. Шла вперёд напролом, восклицая периодически: «Ой, простите!», но упорно продолжая свой нелёгкий путь. Остановившись, чтобы свериться, правильно ли иду, подняла глаза и... замерла на несколько мгновений.

Он шёл среди спешащей домой толпы спокойно и чуть властно, не удостоивая вниманием окружающих. Меня тоже не заметил. Прошёл мимо, словно меня и не существует на его пути. Но, наверное, это меня и спасло: я могла неотрывно смотреть на него, не боясь привлечь к себе внимание. Он словно приковал меня, притянул магнитом, не знаю почему. Я видела его озабоченный взгляд, серьёзное выражение лица, его глубокую складку на лбу, безупречный внешний вид — изящный деловой костюм, выглаженные брюки, блестяще, как стекло, начищенные ботинки. В одной руке он держал дипломат, другую периодически сжимал и разжимал, двигаясь туда, откуда я только что ушла...

Начал с простого... (Ф)

Ф

Начал с простого: изучить номера паспортов. Вот мой номер:

Фредли I — 1 — 4 — 16 — 1845

Паспорт нужно всегда носить с собой и показывать его по требованию служащих порядка. И знать наизусть номер на случай, если оставил дома. По этому номеру читают никому не известную информацию и при случае, исходя из этих циферок, решают, что делать с таким человеком. Больше никому паспорт показывать нельзя. За систематическое нарушение могут даже сослать на Окраину — в конец района, где обитают преступники, сумасшедшие и прочие «отбросы общества», а также забрать для исследований не на самих лучших условиях. Так что с этим надо осторожнее.

Вот что у меня есть ещё:

Мам II — 2 — 1 — 2 — 3501

Пап II — 2 — 1 — 2 — 3684

Милена 0 — 0 — 4 — 15 — 4384

Алек 0 — 0 — 1 — 3 — 2156

Спирит 0 — 0 — 2 — 5 — 5998

Аля 0 — 0 — 2 — 8 — 3294

Армен 0 — 0 — 2 — 6 — 3001

Недолго думая, понял, что последнее число — порядковый номер, первые два — четвертак и район, в которых мы живём, закреплённые каждый за своим районом (у Них это нули). А вот третье и четвёртое числа таят в себе загадку.

Ф

Вечером ко мне заглянул Крис, мой друг из «зелёного». Вошёл с поднятой головой, в деловом костюме, критически оглядел кухню и посмотрел время на наручных часах. Он ко мне приходит иногда, потому что достал себе вип-разрешение.

Друг выполнил мою просьбу, несмотря на «катастрофическую нехватку времени», и принёс номера паспортов всей своей семьи. Я его горячо отблагодарил: напоил бергамотовым чаем и угостил кексом собственного приготовления.

— Веришь ли, сегодня побывал в «персиковом», — сказал он, положив в рот кусочек моего кекса и удовлетворённо кивнув, — на юбилей бабушки. Совсем другой мир.

— Ни разу в тех краях не был, — положив мёд в чай, ответил я.

— Там такие девчонки, ты бы видел! — мечтательно проговорил он.

— Ты и там себе гарем нашёл?

— Нет, не гарем, — покачал он головой. — Всего одна. Она — ангел. Золотистые волосы. Широко открытые миру глаза. И улыбка, словно луч среди тёмных туч.

— Ну всё, уже стихами заговорил, — скривился я, так как не особо любил его рассказы про его похождения.

— Эх, дружище, тебе меня не понять, — Крис безнадежно посмотрел на меня.

— Так ты ж собрался жениться? — спросил я.

— Это другое, — отмахнулся он. — И почему я не могу туда ездить просто так?

— Потерпи. Может, разрешат через несколько лет.

— Через несколько лет я, может быть, сдохну, — отрезал Крис и как будто надулся.

— А ты не спрашивал у неё паспорт? — вдруг вспомнил я.

Крис посмотрел на меня словно на человека, имеющего определённые проблемы с головой.

— Послушай-ка, что скажу, кладоискатель. Ты зря в это впутался. Ты молодой перспективный человек, получаешь неплохо, а живёшь, словно бомж с помойки. Нет чтобы купить себе пару деловых костюмов, чаще бывать вне дома, завести контакты. Давай вместе сходим, познакомлю тебя с кем-нибудь из приличного общества. У меня ведь есть люди в твоём районе. Может, завтра, а? Я могу с утра.

Подождав, пока он закончит, спокойно ответил:

— Дорогой друг Крис. Я безмерно признателен тебе за заботу. Но ты же знаешь, моя мечта — сидеть дома, заниматься любимым делом и носа не высовывать в люди. И еще чтобы изредка кто-нибудь приходил и развлекал меня, угощался моим чаем с плюшками. Так что не пытайся меня куда-нибудь втянуть. Лучше сам заходи чаще.

— Окей, — отозвался он и встал. — Сиди дома, коль нравится. Но всё же хорошенько подумай: оно тебе надо?

— Ты принесёшь ещё номера?

Он скептически покачал головой. Я улыбнулся:

— Я бы не настаивал, но ты сам дал обещание.

— Ладно, попробую, — примирительно заключил он, протянув мне руку.

Ф

Новые данные:

Крис I — 3 — 4 — 13 — 2106

Отец Криса III — 1 — 4 — 15 — 3133

Мать Криса III — 1 — 4 — 15 — 2908

Бабушка Криса III — 3 — 4 — 14 — 1551

Оксана I — 4 — 2 — 6 — 2500

Интересно, что родители Криса, которые из «жёлтого» района, имеют те же 3 и 4 числа, что и Милена. Значит, её родной район — «жёлтый». Жаль, что у меня нет никого знакомых оттуда и я там не был.

Ф

Через два дня эта девушка снова посетила нас с Норой и привнесла в мою жизнь кое-что новенькое. Это случилось в лесу. В лёгком голубом платье, с волосами, убранными в пучок, она была мила и как будто чуть печальна. Поздоровавшись, взяла меня под руку, и мы пошли вглубь леса.

По дороге спросила, как у меня дела.

— Всё думаю. Вопросов много. А как ты? Тебя ни в чём не заподозрили?

— Не знаю, — пожала она плечами. — Надеюсь, нет.

Милена тяжело вздохнула, и я подумал, что не всё у неё так гладко, как пытается представить. Но в тот же момент она стряхнула с себя тоску, подняла голову и, улыбнувшись, протянула мне листок бумаги с цифрами.

— Держи, Фредли! Это Их имена. Родители у нас живут в другом крыле, что мы с ними не каждый день видимся. Когда-нибудь расскажу тебе, как провернула эту авантюру и как подруга прикрывала меня... Но сейчас посмотри, что там.

— Спасибо, — обрадовался я и взял у неё из руки бумажку, чуть касаясь её мягких пальцев.

Развернув, прочёл:

Отец М. 2 — 7

Мать М. 2 — 8

Э., муж 2 — 6

С., жена 2 — 5

Ч., муж 2 — 5

Л., жена 2 — 6

— Милена, — удивился я. — А почему эти числа?

Она хитро улыбнулась:

— Сам знаешь, что остальное ничего не значит. У всех стоят нули.

— Ты облегчила мне работу... Но смотри: тебе не кажется странным, что все Они имеют общую «2»?

— Ты удивляешься, что большинство из них из второй квадры?

— Квадры? — переспросил я.

— Квадра — это почти как четвертак. Я слышала это слово. Первый столбик означает номер квадры.

— Хм, квадра... — повторил я, чтобы не забыть. — Но если квадра не то же самое, что четвертак, то почему?

— Наверное, потому что в квадре живётся лучше и все друг друга понимают, а на четвертаки нас поделили по другому принципу, — беспечно ответила Милена.

А я нахмурился.

— Сейчас гляну... Да, в нашем четвертаке двое из второй квадры, двое из четвёртой.

— Вот видишь, здесь другая логика.

— Но подожди... — я с волнением выхватил у Милены бумажку. — А это ещё что за правило?

— Ты про что?

Сердце застучало, как перед важным открытием. Воздух застыл в лёгких. А слова растерялись:

— Просто... Я не понял, почему они рядом... Эти два. Почему они создают семью с человеком не своего...

— Типа, — подсказала Милена.

— Да, типа, — я расстроено посмотрел на неё. — Значит, идеальные супруги не должны быть из одного района?

Вывод настолько ошеломил меня, что я непроизвольно схватил рубашку в районе сердца, словно пытаюсь сдержать вырывающийся оттуда стук.

— Вот видишь, у Них свои правила.

— Ты так легко об этом говоришь? — мой голос сорвался. — Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю, — спокойно ответила девушка. — Мы с братьями давно подозреваем, что Они используют систему себе на благо, а обычным людям — нет.

— Нет, это вряд ли. Уверен, тут есть объяснение.

Я сжал кулаки и снова разжал.

— Разумеется, у Них на всё есть объяснение. Ты же заметил, что Их семьи составляют либо нижнюю пару, либо верхнюю. — Милена тыкнула меня в листок с цифрами. — Я слышала, как наши мужчины называют своих жён дуалами. Скорее всего, дуал — это то же самое, что идеал.

— Это только предположение, — пробормотал я. — Но звучит логично...
Я написал нас, из четвёртой квадры:

Крис 4 — 13 зелёный
Гелли 4 — 14 персиковый
Милена 4 — 15 жёлтый
Фредли 4 — 16 болотный

И бумажка выпала у меня из рук. Милена подняла её и фыркнула:

— Как тебе сочетание «жёлто-болотный»? Хочешь, подарю тебе шарф в такую полоску?

— Честно говоря, цветовые ассоциации не очень, — рассеянно ответил я.

Что ж, значит, Милена мой дуал. Что это за дуал такой — пока не знаю, но всё это вызывает гораздо больше вопросов, чем я могу ответить.

Обратно шли молча. Милена вставляла свои реплики про лес и о чём-то спорила с Норой, но я был нем, как рыба, не в силах думать ни о чём другом.

*****Ф*****

Весь субботний день гонял мысли о Них и о знаниях. Решил, что надо искать первоисточник. Откуда всё это известно? Как на самом деле правильно? Почему так по-разному строят жизнь Они и обычные люди с Их подачи? Что это за логика, которой Они придерживаются?

Может, я наивный глупец, но...

*****Ф*****

Воскресенье, и я выехал на ярмарку.

Давненько ждал этого момента! Вновь побродить среди торговых рядов своих и соседних районов, повосхищаться тем, что круто получается у других. Может, кто-то уже опередил «бирюзовых», и теперь все вкладывать деньги идут к нам? Или кто-то испёк пиццу, вкуснее нашей?

Шёл, вдыхая запах пластмассы и тряпок, и ноги несли меня к «фиолетовым» рядам. Судьба сегодня на моей стороне: почти сразу наткнулся на Влада! Как же я скучаю по тем временам, когда мы то залезем на самое высокое дерево, чтобы запустить смастряченную летающую тарелку (в окошко директора школы), то ночью сбежим, чтобы пойти искать клад, то зароемся с головой в песок, а пятой точкой наружу, чтобы у нас выросли хвосты и длинные ноги, как у страусов... Иногда так не хочется взростеть.

Влад практически не изменился — по-прежнему пофигистски относится ко внешнему виду. Сейчас на нём были поношенные штаны цвета хаки в малиновых заплатках и ярко-синяя рубашка навывпуск, а на шее красовался аляпистый платок. Добавить сюда ещё взлохмаченную шевелюру с бородкой и пару хитрых глаз — и портрет готов.

— О, Фредли, здорово! — обрадовался он. — Два века тебя не видел!

— Взаимно! — крепко пожал ему руку.

— Ты где пропадал?

— Дома сидел.

— С женой?

— Нет, с бутылкой. Теперь, как видишь, свободен.

— Ну круто! Идём, с нашими познакомимся!

— Идём, — согласился я.

Влад был бодр, как всегда, хотя я заметил пару новых морщин около переносицы, раньше их не было.

По пути друг рассказывал о том, что на работе, да и вообще обо всём. Он недавно устроился в другую фирму — теперь пишет компьютерные программы по заказу важных шишек. Живёт один, работает в основном дома. Но часто ему приходится перемещаться в разные четвертаки, поэтому у него упрощённая процедура получения разрешения. Слушая его, я не мог не позавидовать. Живут же люди!

— Кстати, как тебе эта штуковина? — он показал на свой шейный платок.

— Ничего так вещичка. Откуда она у тебя?

— На спор выиграл.

— В самом деле?

— Конечно! Они думали, не смогу съесть килограмм шоколадных конфет за раз.

— И ты что, съел что ли? — недоверчиво усмехнулся я.

— А ты думаешь, мне просто так платок подарили? Ещё как! И прекрасно себя чувствую. Ты всё пропустил, а жаль, на меня почти никто не ставил!

Народу всё прибывало, а я как будто отвык.

Влад постоянно отвлекался и здоровался то с одним, то с другим, то с третьим. То представлял меня, то мне. В детском отделе какой-то тип лет тридцати с густой растительностью на лице и стал предлагать куклу-собаку для ребёнка.

— Не проходите мимо, молодой человек! Вы хоть знаете, что это за собака? Как, вы ещё не знаете?! Это шедевр! Собака у нас кушает — вот так, а потом... смотрите-ка — ходит в туалет!

— А зачем это? — усмехнулся я. — Проблем ведь больше.

— Не соглашусь с вами, — продолжал тип. — Детям очень нравится за кем-нибудь ухаживать!

— Может, и нравится, но чтобы постоянно убирать за куклой? Разве не лишняя морока? Вот если бы кукла кашку варила, такое детишкам больше было бы по нраву.

— Рассуждаете, как типичный взрослый, — продолжал доказывать мне тип. — Кашу варить — это банально и скучно! А тут, напротив, никакой мороки. Собакам же свойственно есть и ходить в туалет. Хочешь — корми и выгуливай, а не хочешь — не корми и не выгуливай. Собака от этого не умрёт. Зато она теперь почти как настоящая.

В общем, в едином мнении мы так и не сошлись, и я продвинулся по рядам дальше. Да, в отделе их творилось нечто невообразимое! Например, кресло-пружина: сажаешь на него куклу, отпускаешь, и кукла взлетает вверх. Или книжечка самых бессмысленных советов, вот цитата: «Когда вам больно, вспомните, как больно кролику, которого пожирает удав, и вам станет легче». И таких странностей там было не счесть.

Однако меня посетила мысль:

— Влад, а почему они занимаются этими пустяками? Могли бы что-нибудь серьёзное придумать, полезное для человечества!

Беспечность с его лица пропала, морщина на переносице зашевелилась. Он чуть наклонился ко мне и сказал вполголоса:

— Те наши, кто реально что-то делает, на виду у всех не торгуют.

Затем он снова с кем-то поздоровался, и больше мы эту тему не обсуждали.

— Слушай, — осенило меня. — У тебя есть знакомые из других районов и четвертаков?

— У меня девушка есть. Была, точнее.

— Из другого района?

— И четвертака.

— Серьёзно? И как вы планируете дальше?

— Да как тут планировать, — с досадой вдруг отмахнулся Влад. — Ей повестка пришла. Забирают.

Его лицо вдруг стало непроницаемым.

— В смысле... в Центр? — тихо спросил я.

— Куда ж ещё...

— Ты подожди печалиться. Я вон в своей квартире остался.

Влад с сочувствием посмотрел на меня, что я отвёл взгляд.

— Ты особое дело. А Валю на общих основаниях. Просто вырвали из жизни. Дизайнером хотела быть...

— Её же могли повесить, — проговорил я, но прозвучало жалко.

Мы помолчали.

— Можешь дать её имя в паспорте, если знаешь? — всё-таки решился я.

Влад задержал на мне удивлённый взгляд.

— Не слишком ли рискованно в твоём положении?

— Понимаешь, мне... — я запнулся. — Я просто хочу понять, как всё устроено. Тихо, мирно, для себя.

— Ты думаешь, один такой умный? У нас тоже искали. Жаль человека, увели и с концами.

— Как с концами?

— Ни разу не вышел на связь. Может, и живёт где-то, я не знаю.

— Понятно... — пробормотал я, поёжившись. — Поэтому прошу тебя держать это в тайне.

— Ладно. Но только мою Валю и одного товарища из «синего». А ты — будь осторожен.

— Буду, — пообещал я.

*****Ф*****

Понял, что для разгадки системы мне придётся не просто сидеть и анализировать информацию от Милены, но и самому предпринимать кое-какие шаги. Например, изучить получше своих соседей из «Леса». Я всегда знал, что надёжнее всего рассчитывать только на себя. Ну да ладно.

Вечерело, я сидел на ярмарке в беседке и записывал наш диалог со Владом, изредка поглядывая на людей в надежде увидеть Криса или другого знакомого. Ноги затекли, встал, чтобы размяться, и вдруг впереди — рядом с мужской девичья спина, чья походка показалась мне знакомой. Они шли в мою сторону, она держала его под руку. У меня сердце забилося, как перед прыжком. Обойдя людей вокруг, я зашёл немного вперёд, чтобы увидеть лица. И да, это была Милена.

Она беззаботно болтала, улыбалась словам своего спутника и одаривала его смеющимся взглядом. Меня словно накрыло дежавю. Точно так же мы шли по лесу, и она улыбалась мне той же самой улыбкой. Я, видать, почему-то решил, что единственный, кому предназначалось это богатство. Но ошибся. Как минимум ещё один счастливец сейчас шёл рядом с ней.

Парень мне не понравился. Слишком по-хозяйски на неё смотрел.

Они почти врезались в меня. Милена на мгновение смутилась, но затем, молча кивнув мне, поспешила пройти мимо. Карие глаза её спутника цепко оглядели меня с ног до головы.

Конечно, с Миленой мы едва знакомы, виделись всего два раза (и почему мне кажется иначе?). Я ничего о ней не знаю.

Что ж... Я уже не маленький мальчик, чтобы страдать из-за взгляда какой-нибудь вздорной бабёнки. Походил ещё, потолкал народ, встретил-таки Криса, но особо с ним не пообщался, только взял у него новые данные с номерами двух девушек. И пошёл домой.

*****Ф*****

В теле уныние хуже серого дождя, разразившегося на улице. Сырость врывается в открытое окно и заполняет лёгкие. Собрался было съездить до Окраины. Там не только психи. Там особого поведения женщины.

Но представил, что все они — такие же, как я, как та барменша, как и все. Независимые, замкнутые, невозмутимые. Словно лёд. И не поехал. Сел изливать свои эмоции, описывая свой первый опыт экзамена. Особенно теперь, в свете новых данных хочется переосмыслить то, что было...

Это случилось примерно четыре месяца после начала работы. Мне пришло уведомление за неделю, мы с Норой хорошенько подготовились. В назначенный день за мной пришли и привели к какой-то сцене, довольно широкой, в другом краю Резиденции. Перед сценой стояло несколько стульев. А на помосте препятствия, которые по моей команде должна обходить Нора.

Тут парнишка, который сопровождал меня, подал тёмные очки. Такие же, как у него. Тяжёлые, из плотного стекла. Надел — и мир пропал.

— Никому нельзя видеть Их, — пояснил он с благоговением.

Значит, экзамен принимают Они лично? Ответственно, бр-р-р. Но как теперь мне увидеть Нору? И как самому не рухнуть среди препятствий?

К счастью, через какое-то время мои глаза привыкли. Я более или менее видел всё вблизи, а вот отдалённое расплывалось серой массой.

Тем не менее я заметил одного из Них. По вальяжной походке и ощущению, которое от него исходило. Он прошёл и неспешно сел на центральное кресло. Высокий и худой силуэт — только так его я мог разглядеть сквозь очки.

Затем пришли двое других. Они сели дальше и уже почти сливались.

— Можем начинать, — услышал я голос.

И не смог больше его забыть.

Сначала всё шло хорошо. Мой лохматая подруга выполняла указания, почти всё без ошибок. Я немного успокоился и даже был рад, что всё получается.

До тех пор, пока мне не сказали разозлить Нору.

Я замер. Палка лежала у моих ног. Нора смотрела на меня — ждала команды. А я не мог выдавить ни слова.

— Зачем выводить её на конфликт? — спросил я негромко.

Тишина. Потом из центрального кресла голос ответил:

— Ты задал вопрос. Это уже ошибка.

Пауза. Тяжёлая, тягучая. По моей спине стекла капелька пота.

— И я сказал: злить, — добавил он, как будто пробуя слово на вкус. — Не «выводить на конфликт». Ты должен управлять эмоциями питомца.

Я стоял и сжимал пальцы в кулак. Не двигался. В нос ударил запах каких-то помоев. Я знал, что разозлит Нору. Достаточно ткнуть пару раз больно. Но рука не поднималась.

— Переносим? — спросили рядом грубо.

— Нет, — нараспев сказал главный. — Мы уйдём только после того, как он сделает.

Выбора не было. Я взял палку.

Первый тычок — Нора играла, скакнула в сторону. Второй — она попыталась выхватить палку зубами. Третий — я ткнул сильнее, в бок. Она взвизгнула и коротко твякнула, отскочив. Четвёртый — рука дрогнула на миг, но я всё же ткнул. Она не увернулась — только мельком глянула на мою руку, как на чужую. Когда я замахнулся снова, она наконец зарычала — по-настоящему, с хрипом.

Чувствуя озноб по всему телу, я отбросил палку. Нора схватила её зубами, добежала до края сцены и швырнула вниз.

Жидкие аплодисменты приветствовали меня. Пот катился ручьями.

— Ты справился, Фредли, — промурлыкал голос. — Экзамен сдан. Можешь, если захочешь.

В тот день я пошёл в бар. Мне нужно было развеяться. Именно тогда состоялся неприятный разговор с барменшей. Вечером я допивал запасы алкоголя дома, чувствовал себя ужасно разбитым и боялся, что сделал Норе больно своим поведением.

Утром купил ей мяса и попросил прощения. Вроде мы помирились.

После первого экзамена до меня окончательно дошло, какова моя роль здесь. Я нужен для наблюдений. Ни мои способности, ни даже Нора особо Их не интересуют. Центром всего является мой характер и то, как я реагирую, как выхожу из ситуаций.

И я бы даже смирился с этой ролью. Если бы не зародившиеся сомнения, что, исследуя нас, Они используют информацию исключительно для своих целей, а не для блага людей.

Месяца примерно через три с половиной был второй экзамен, на котором... Впрочем, не сейчас. Меня больше тревожит, что третий не за горами. При мысли о возможных испытаниях пробирает холод до самого желудка. А когда я представляю размытый худой силуэт и слышу медовый голос, мне становится тяжело дышать, словно он хватается меня за горло и не даёт вдохнуть.

*****Ф*****

Виделся с Крисом. Он вошёл ко мне в квартирку, слегка подёргивая плечами. Морщина на переносице прорезалась как будто сильнее. Взгляд рассеянно оглядел кухню.

На вопрос, как дела, устало отмахнулся. Поняв, что другу нужно хорошее лекарство, пошёл готовить ему настоящий зелёный чай с солью и сливками. Очень бодрит и поднимает настроение. Плюс ко всему у меня были пряники собственного изготовления. Редкий рецепт — мой любимый.

После кружки чая и двух пряников Крис заговорил:

— Серьёзное дело, брат. Я поссорился с будущей женой.

Я кивнул. Он схватил кружку двумя руками, словно хотел удержаться.

— Это просто чёрти что! Она выставила меня, понимаешь? Накричала, мол, всё время её контролирую. Даже когда на следующий день пришёл к ней мириться.

— Даже не поговорили?

— Да куда там! Она мне столько наговорила, что я тоже взорвался и выдал ей в свою очередь. У нас не было какой-то там любви, но мы прекрасно ладили. Я был уверен, что сможем стать хорошей парой...

Он тяжело вздохнул. Я долил ему чаю. Он двумя руками поднёс кружку к губам и медленно отхлебнул.

— Может, ещё не всё кончено? — спросил я, прожевав пряник.

— Да кто её разберёт! Тут ещё, знаешь... — он запнулся, а я недоумённо посмотрел на него. — Дело в том, что я... увлёкся.

— Той девушкой-ангелом?

— Да. И её сестрой. Вижу с ними по воскресеньям.

— С обеими? — усмехнулся я. — И в каких вы отношениях?

— В дружеских пока. Но эта бестия Вера иногда так взглянет на меня. Знаешь, они здорово умеют молчать. Зато выразительней взглядов не видел ни у кого.

Я вдруг закашлялся, поперхнувшись чаем. Крис продолжил:

— Но сегодня пришло предупреждение, что осталось полгода, и я пал духом. Не хочу заводить никакие отношения с нашими, даже думать про это не могу.

Он с силой поставил чай на стол, и несколько капель выпрыгнуло из кружки. Угораздило же его родиться двумя годами раньше! Вместе бы проблему решали.

— Я не хочу жениться, Фред. Ни на ком, кроме них!

— Обеих? — не удержался я. Его объединение бедных девушек в одно меня убивало.

— Ты лучше скажи, что мне делать, — он проигнорировал насмешку. — Ты же занимаешься числами. Что там по номерам паспортов?

Я почесал бороду и ответил:

— Знаешь, дружище, у меня не так много информации, чтобы советовать. Одно могу сказать точно: все люди из твоего района — такие же, как ты. Они могут отличаться взглядами, увлечениями, некоторыми принципами, размерами левой пятки. Но структура, основа у них одна. Поэтому жить в такой семье может быть однобоко. Супруги не могут дать друг другу практически ничего нового. Они похожи, но им не хватает противоположности. Это как... Шуруп и гайка.

— Что?

— Ты и все из твоего района — шурупы. Шурупам иметь дело друг с другом — дохлый номер.

— У кого-то, похоже, давно не было девушки, — довольно оскалился Крис.

Я зыркнул на него. Он перестал противно лыбиться и выдал:

— Тогда это не противоположности, а... как его... Дополнение!

— Хм, хорошее слово, — согласился я. — Вы шурупы, а ваше дополнение, ваши гайки, находятся как раз напротив.

— Напротив? Погоди. Выходит, что...

— Да. Гелли — твоя гайка.

— Неужто? А Вера?

— Вера — нет. Я не знаю подробностей и характеристик. Может, у вас с ней тоже неплохие отношения. Например, она гайка чуть большего размера, которая легко на тебя залазит, но также и легко снимается.

— Ну и дела! — захохотал Крис. — А может, она, наоборот, меньше меня, и потому не налезает?

— Может, и так.

А что, неплохое сравнение! Правда, не знаю, оценила бы его Милена.

При воспоминании о ней моё веселье вдруг испарилось. Крис тоже замолчал, а затем серьёзно спросил:

— Ты уверен, что Вера — не та гайка?

Я покачал головой.

— Им виднее.

Крис не ответил. Встал, прошёлся по кухне — три шага туда, три обратно. Поправил штору (она висела ровно, но он всё равно дёрнул). Потом вдруг резко обернулся.

— Знаешь, Фред, — голос у него стал спокойным, даже слишком. — Я всё равно буду делать по-своему. Ты шаришь в числах, а я в жизни. Уж как-нибудь разберусь. И... — он задумался, будто хотел сказать что-то важное. — Спасибо за пряники.

Ф

Решил осуществить задуманный мною план. Пошёл сегодня после работы в соседний район «хвойный» (по-моему, название ещё хуже, чем наш «болотный») из второй квадраты седьмого типа. Первый раз там был. И не скажу, что остался в восторге. Но это же родной район одного из Них! Хотелось знать, что Они из себя представляют.

Сначала инцидент в транспорте. Я остановил взгляд на девушке лет 25, хорошо одетой, направляющейся, по-видимому, домой после тяжёлого рабочего дня. Фигура у неё была вполне себе, такая полненькая, женственная, размеры что надо. Да и лицо такое пропорциональное, симметричное, только одна родинка на левой щеке симпатично выбивалась. Косметики, правда, много. Причёска замудрёная. Одета немного вызывающе, но со вкусом и по делу:

что не надо — скрыть, что надо — показать. В общем, на первый взгляд неплохая девчонка, впечатление производит.

Но стоило ей заговорить... Она не замечала меня или, скорее, делала вид, так как вдруг неожиданно повернулась и с напором спросила:

— Ты чего пялишься? Познакомиться что ли захотел?

Не знаю, что должен был почувствовать любой другой мужчина на моём месте, только я, оглядев её, беззлобно ответил:

— Если девушка красива, нет причин не засмотреться на неё.

— Я тебе не тёлка в телеке, — бросила она и отвернулась.

Тоже мне, приехали. Ладно, настроение у неё неважное, устала, может. Спокойно переключил взгляд на другую девушку, полную противоположность. Она была стройная, подтянутая, но без женских прелестей. Стрижка короткая, одета в мужском стиле. Косметики на лице — ноль. Не в моём вкусе. Но она вдруг тоже подняла на меня взгляд, и я быстро отвернулся. «Они ведь характером схожи, — подумал я. — Лучше в окошко смотреть от греха подальше».

Вышел на ближайшей станции и побрёл среди домов и дворики. Во дворах было необычайно шумно: крики, драки, слёзы. Какой-то мальчик гонялся с дубинкой за собакой, другие играли в войнушку. «У нас тише», — автоматически подумал про себя.

Зато эти дети играли все вместе. У них, что мне понравилось, всё более слаженно что ли. Наши обычно делятся по кучкам или вообще сидят себе в уголке и строят замки. Эти же играют командами, группами и всем двором. По крайней мере, в двух-трёх местах это заметил.

Бреду дальше, вдруг вижу: идут ко мне двое. Я не ожидал ничего плохого, думал, что-то узнать хотят.

— Закурить есть? — спросил один.

— Не курю, — ответил я.

— Ну получай!

Я опешил. Первый замахнулся мне в челюсть, но я инстинктивно увернулся и схватил второго за ногу, так что тот не успел меня даже ударить, и грохнул на землю. Первый же все-таки засадил мне пару тумачков. Чем я им не угодил? Что нездешний? И как можно в нашем цивилизованном неконфликтном обществе нападать среди бела дня?!

Все эти мысли проносились во мне пулей, пока я изворачивался и наконец смог убежать. Расстроенный, раздосадованный этим происшествием, а главное, тем, что напали ни за что, я направился назад к автобусной обстановке.

Вдруг слышу сзади окрик:

— Сынок! Подожди меня, старую! — Оглядываюсь: бежит старушка, несёт склянку. — Возьми, смажь болячки-то! Легче будет.

Стал отказываться, но она цепко схватила меня за руку:

— Ты вообще чем думаешь, а? У тебя голова на плечах-то есть? Щенок! Кровью истекает, а смазать не хочет! Я для чего бегу за тобой, старая? Думаешь, мне хочется инфаркт заработать? Ну-ка давай, не строй из себя умника, возьми и смажь, вот вата.

Несколько испугавшись такого напора, быстро взял её мазь и приложил к губе и виску. Она всучила-таки мне склянку, и я, пробурчав под нос слова благодарности, пошёл дальше.

— Вот, то-то же! — голосила она. — Молодёжь нынче пшла! Щенки... Чтоб их!.. Совсем уже...

Но я отошёл уже довольно далеко и так и не услышал весь набор лестных отзывов о современной молодёжи. Я почему-то подумал, как редко у нас встречаются старики, такие же сморщенные и седые, как она.

Уже стоя на остановке, стал свидетелем ссоры супругов. Сцена, скажем прямо, производила удручающее впечатление. Он и она разговаривали на повышенных тонах. Казалось, ссора решает: кто кого задавит, тот и победит. Он постоянно напирал на то, что она баба и мозги у

неё куриные. Она отвечала, что он вообще не мужчина, что совершенно выводило его из себя. Казалось, ещё немного, и он её ударит. К счастью, не дослушал их до конца.

А в автобусе поржал над парочкой похабных анекдотов, рассказанных одним чуть подвыпившим хмырём. Сами анекдоты были не смешные, но он так артистично их рассказывал, с таким воодушевлением изображал, что весь хохотал автобус. Да уж, у наших в автобусе тихо, как в сонном царстве, такое сложно представить.

Уже сейчас, лёжа на диванчике с чашечкой чая на столе и смазывая раны бабкиным бальзамом, пишу выводы по этой прогулке и по небольшому опыту общения с этим типом на ярмарке:

- 1) в «хвойном» районе живут общительные люди;
- 2) они предпочитают решать проблемы давлением, напором, настойчивостью;
- 3) живут по принципу «сильный всегда прав», конфликтные;
- 4) прямолинейны;
- 5) немного вульгарны, фамильярны;

6) должны иметь супруга мягкого и уступчивого, который бы нуждался в защите, руководстве к действиям, был бы слабым и хотел бы опереться на руку своего сильного спутника.

Вопрос к себе: интересно ли мне было бы пообщаться с кем-то из Них, кто родом из «хвойного»?

Ответ: честно — не очень. Сомневаюсь, что мы найдём общий язык. А попасть под раздачу со стороны подобного типа почему-то совсем не хочется.

*****Ф*****

Удивительно, но бабушкин бальзам сделал своё дело: наутро ничего не опухло, только капельки засохшей крови остались. Прикрылся волосами и пошёл на работу.

Последнее время Нора стала беспокойной. Всё скулит и тычется в меня носом, словно сказать что-то хочет, пожаловаться. Утешаю её, как могу. Мне её жалко, но в то же время у меня создаётся впечатление, что и она окутана тайной.

От Милены ни слуху ни духу. Что взять с молодой легкомысленной девушки? Вот именно, пытаюсь разгадать тайну самостоятельно. Вспоминал, как однажды бывал в «зелёном» районе Криса.

Этот район мне по душе. Меньше слов — больше дела. Люди только там всё время заняты. Спешат, бегают туда-сюда. Любят жить со вкусом. Вообще преуспевающий район. Создаётся впечатление, что все они богаты. Особенно по количеству банков, банкоматов, финансовых компаний и прочих подобных организаций.

Люди разные. Иногда доброжелательны, иногда суховаты. Иногда разговорчивы, но всегда по делу. По-моему, они ужасные модники и любят щеголять своим внешним видом. Хотя, может, я по Крису сужу — ведь это его портрет. У того тоже всю жизнь дела, времени нет.

Кстати, никаких эксцессов. Обращался, спрашивал, как куда пройти, все объясняли спокойно, словно никому до тебя нет дела. Может, мне просто так «повезло» со вчерашним?

*****Ф*****

О дуалах. Людях, отношения у которых, с Их точки зрения, должны быть идеальные взаимоотношения. Вот, например, пара: «фиолетовый» и «розовый». Это Влад и родители (мои, его). Не зря мои всегда как-то особо ладили со Владом, когда он в детстве приходил в гости. Кормили пирожками, булочками. Да и ему, похоже, нравилось бывать у нас.

Крис и Гелли («зелёный» и «персиковый»). Говорит, что она ангел. Он сразу почувствовал к ней расположение, а вот она как, не знаю.

Алек и тот, предыдущий, Эрнест — тоже, вероятно, дуалы («красный» и «синий»). Судя по данным, что имею, характеры у обоих различны: Эрнест был спокойным, умел наблюдать

и делать выводы, а Алек — весёлый, общительный, эмоциональный. Видать, это его смех я слышал пару раз по пути на работу.

А моя с Миленой дуальность («болотный» и «жёлтый») ... не разберёшься. Удивляюсь, как она умеет быстро и ненавязчиво расположить к общению, вызвать доверие. Почему-то во время разговора с ней у меня не бывает состояния, когда не знаешь, что сказать. Не возникает неловких пауз или многозначительных вздохов. Всё просто, ясно и легко. Или это только у меня такая на неё реакция?

В любом случае Они избрали верный ход. Если бы Милене вздумалось меня надуть, у неё бы получилось проще простого.

Ф

Забегал Влад перед встречей с клиентом, принёс мне обещанные номера паспортов. Хотя мне теперь нет смысла их собирать, основную логику я понял. Но всё равно запишу:

Валя II — 1 — 3 — 9 — 2551 алый («Цветы»)
Друг IV — 4 — 1 — 4 — 2816 синий («Вода»)

Сказал, что Валя уедет ещё не уехала, они встречаются на ярмарке и, если повезёт, в будни. Поддержал его молча, нужных слов не нашлось.

Ф

Ничего не писал. Просто... не мог.

Третий экзамен.

Выжил... Но... до сих пор внутри сковывает холод, стоит вспомнить. К счастью, всё позади... Надолго ли?

Это случилось раньше срока. Я не был готов. Пришёл паренёк от Них и сказал, чтобы через полчаса был там. Мы собирались с Норой в лес. Но пришлось идти к сцене.

Третий... Разве не должен был я привыкнуть? Адаптироваться? Научиться проходить его стойко и спокойно?

Но нет, это не про меня. После каждого экзамена я чувствую себя ещё более опустошённо. И с трудом сдерживаюсь, чтобы не сорваться.

Привычный зрительный зал, стульев на этот раз штук десять. Мои родные тёмные очки, от которых болят глаза. Серая масса вместо зрителей, только слух обострён до предела: пытаюсь понять, сколько Их. Ладони покрываются потом, а сердце раньше времени опускается куда-то вниз.

Первая часть — как затишье перед бурей. Даже не до конца подготовившись, мы с Норой показываем неплохие результаты. Бывают и огрехи, но не критичные. В этот раз я мало занимался с ней выдержкой, и она срывалась с места раньше моей команды. Но как будто любые недочёты не влияют на результат экзамена.

А влияет вторая часть. Когда мне дают странное, дикое, непрактичное задание, и, пока я не выполню его, экзамен не будет засчитан. Именно эта часть нервирует своей неизвестностью. Именно здесь всё Их внимание — я хоть не вижу глаз, но ощущаю, как сгущается воздух, слышу оживление.

На этот раз нужно было заставить Нору выполнить команду «взять» на человека, сидящего слева от сцены. Я забеспокоился: что это за человек? Зачем на него делать эту команду? И что Они имеют в виду? Наброситься, схватить зубами, укусить или...?

— Нора не такая, — сказал я осторожно. — Она не нападает на людей.

— А ты заставь её, — пропел знакомый голос, заставляя содрогнуться. — Давай, покажи, что имеешь на неё влияние.

Я подошёл к Норе. Она виляла хвостом, сидела в ожидании команды. Я боялся, что экзамен опять станет для неё травмирующим. Но разве у меня есть выбор?

— Нора, взять! — приказал я, показывая на пятно у сцены.

Она поскакала в ту сторону, но остановилась, весело глядя на меня, не понимая.

— Взять, Нора, взять! — повторил я.

Безрезультатно. Мы это не изучали. Она воспринимала как игру.

— Больше злости в голосе, — услышал я насмешку.

И рывкнул на неё со всех сил.

Нора опешила, уставилась на меня и растерянно тявкнула в ответ.

— Нора, мать твою! Взять! Ату его, вперёд! — надрывался я.

Но без толку. В зале раздались смешки. Нора смотрела на меня своими умными глазами, которые я больше чувствовал, чем видел. А я на неё. «Ты хочешь мне помочь, подруга, я знаю. Спасибо тебе. Но я не понимаю, как объяснить тебе. Разве что...»

Если бы мне сказали построить дом из говна и палок, я бы сделал. Если подмести полы, навести порядок, отмыть туалеты — я бы сделал. Но это... Это даже не задание. Это спектакль. А я никогда не хотел быть актёром.

Моё тело парализовало. Я не мог двигаться, только рвано дышать. Я был готов сдаться, забиться в угол сцены и умереть прямо здесь. Но мне вряд ли позволят такую роскошь.

— Кажется, нужны дополнительные условия, чтобы наш сторожевой наконец на что-то решился, — елейный голос доставал до желудка.

Я ощутил, как внутри у меня поднимается что-то. Слово ещё миг, и я не выдержу, сорвусь и натворю глупостей. До сей поры я думал, что не способен на такое. Видимо, плохо себя знал.

Какой-то далёкий голос твердил, что нельзя провоцировать конфликт. Усилием воли заставил себя перевести дыхание.

— Что значит «взять»? — глухо спросил я.

— Это значит укусить, — был простой ответ, легче от которого не стало. — До крови.

Нора то скулила и бегала вокруг меня, то сидела и виляла хвостом в ожидании приказа. И я решился. Представил, что мы с ней одни, в лесу, и играем. Сначала пару раз прыгнул, чтобы она вспомнила нашу игру. Затем сказал ей:

— Нора, смотри! — она знает эту команду.

Опустился на руки и поскакал к человеку на стуле. Под возгласы зала. Спрыгнув со сцены, я с рычанием схватил человека руками за ногу. Искренне надеялся, что он воспринимает это просто как задание, даже когда он отпινывал меня, больно поцарапав руку своим ботинком, а я пытался удержать его. Некоторое время мы боролись. Но тут Нора пришла ко мне на помощь. Она стала кусать его за штанину, воспринимая это снова как игру.

Я своим видом показывал ей, что всё серьёзно. Но она — добрая душа — не верила мне. Не понимала, что я от неё хочу. Тогда я, отбросив брезгливость и предрассудки, сам впился зубами в ногу человека. Получил коленкой по зубам, конечно. Но снова набросился на него, как дикарь. Наконец Нора поняла меня. Она куснула его. Он вскрикнул — голос показался мне знакомым.

Я отскочил и отозвал Нору. Тот задрал штанину — в глазах у меня расплывалось. Зал рассыпался аплодисментами.

Я поплёлся на сцену. Дико болели глаза. Ждал, когда объявят результат.

— Экзамен сдан, Фредли. Поздравляю — ты делаешь успехи.

Не говоря ни слова, прикусив щёки до боли, я спустился со сцены и быстро зашагал в нужную мне сторону. Меня нагнал парниша, который прихрамывал. Я узнал штанину.

— Прости, — подавленно сказал я, отдавая ему очки.

— За что? — он с серьёзным удивлением посмотрел на меня. — Так надо.

В этот раз я не понял, почему мне было намного паршивее, чем обычно.

*****Ф*****

Утро. Стойко переношу похмелье. Обзываю себя парнокопытным. Нажрался вчера, как свинья. Не мог вынести.

Куда ходил? Конечно же, к той моей барменше, из-за которой, собственно, и влип во всё это. Это она мне подала идею наблюдения и пронюхивания.

Она встретила меня с усмешкой: «Что, все тайны выведал?» Но я видел, что она не хочет меня задеть. И был рад, что между нами не осталось обид. Мы выпили. Она сказала, что я оброс и стал походить на нормального мужика, чтобы не вздумал стричься.

Затем стала намекать мне на последний раз, когда я смотался и не заплатил. Я сказал, что она — жИла. Она ответила, что я скот ходячий. Схватил её и, приблизив к себе, поцеловал. Потом, ошалев от своего поступка, трусливо сбежал. Вслед мне кричал что-то пьяный посетитель за столиком. В голове у меня стоял полный туман.

На пути домой подумал: может, вернуться? У меня же ничего нет! А Милена...

В общем не вернулся. Не знаю почему.

И сегодня одна гаденькая мысль не даёт мне покоя. Предчувствие переходит в сомнение, а оно — в уверенность. Не поднимается рука писать такое, но...

Милена заодно с Ними. Написал-таки.

Мне непонятно её исчезновение. Непонятно её поведение на ярмарке. Возможно, она выполнила свой долг, и теперь ей больше брать с меня нечего. Остаётся лишь рассчитывать на свои силы и удивляться, что я до сих пор живу.

Я так рада, что... (Г)

Г

Я так рада, что хочется петь. Дело в том, что я, по-моему... влюбилась!

Когда первый раз увидела его (это было пару недель назад, на ярмарке), он остался красивым воспоминанием, картинкой перед сном. Однако каково было моё удивление, когда я увидела его вновь. Не знаю, каким чудом мы очутились в одной компании — кажется, через общих знакомых. Как только увидела его здесь, в моём районе, в одной комнате, у меня перехватило дыхание, пульс завибрировал из ушей. А когда он заметил меня, мы были друг другу представлены, почувствовала, что сердце сейчас взлетит к небесам. Мне хотелось быть с ним, говорить, улыбаться по поводу и без повода, смеяться, плясать, прыгать от счастья... Да! Только так, а не иначе!

Но время текло быстро, и я успела лишь переброситься с ним парой слов. Его всё время отвлекали, меня тоже, и только когда пошла на кухню по просьбе хозяйки принести фруктов, застала там его одного. Он мыл руки, но вдруг повернулся в мою сторону и, весело шурясь, выдал:

— Весь вечер наблюдаю за тобой и, по-моему, ты хочешь мне что-то сказать, а?

Я чуть не выронила взятый со стола поднос с яблоками. Такой постановки вопроса совершенно не ожидала. Почувствовала, что краснею. Но продолжала улыбаться глупой улыбкой.

— Э-э... М-м... — только вышло из меня.

— Если что, спрашивай, я не кусаюсь, — продолжал он. — И давай возьму это блюдо, а ты — вон то, поменьше.

Он мягко отстранил меня от главного блюда, подождал, когда возьму маленькое, и, галантно пропустив меня вперёд, вышел из кухни. Я же, чувствуя сзади на себе его взгляд, выпрямила спину и лёгкой кокетливой походкой направилась к гостям. Пожалела, что не столь тщательно прогладила платье, в котором ощущала бы себя более привлекательной.

Больше мы в тот вечер не говорили.

Теперь снова чувствую себя на волне безудержного счастья, хотя причин радоваться нет. Может, больше его и не увижу. Но хочется верить, что мы ещё встретимся и, возможно, пообщаемся теснее. А пока пыталась не думать о нём, списать всё на лёгкое увлечение, но ничего не выходит: чем больше о нём не думаю, тем сильнее хочется думать. В общем, поздравляю себя с новой жизненной силой и прекрасным настроением!

Г

Вчера вечером мы лежали с Эль на кроватях и говорили о любви. Я рассказала ей про свою. Подруга мне посоветовала мне навести о нём справки у знакомых и чаще бывать на ярмарке, доверять интуиции. Сказала, что её интуиция никогда не подводит, и она при желании всегда наталкивается на того, кого ищет.

У неё ситуация с любовью нисколько не лучше моей: давно любит «алого», а он хоть бы что. Флиртует с ней, использует, когда нужна, и забывает. Вчера долго пыталась её вдохновить. Похоже, немного удалось. Но самое обидное, что она как будто заранее знает все мои доводы и все их слабые места. Всё это недостатки общения одного и того же типа. Пришёл бы логик и сказал бы правильную логичную вещь, что при всём желании её невозможно было бы опровергнуть, пришлось бы верить. А так...

Да, Эль права: надо ездить на ярмарку, общаться с разными людьми, тогда жизнь приобретает смысл. Но неделя такая долгая. Жить от воскресенья до воскресенья — разве это нормально?

А ещё она сказала, что в наше время важно не мечтать о счастливом будущем, а жить здесь и сейчас. И я подумала, что совсем её не знаю...

Г

Сегодня, наверное, случится всемирный потоп: Паша предложил мне выйти за него замуж! С восемнадцати лет (!) он ходит за мной вокруг да около, открытки на праздники дарит. И только сейчас осмелился сделать предложение. Это же надо быть таким тормозом. Хотя что я, все мы, «персиковые», тормоза.

Я ему говорю: «Спасибо за предложение! Если до конца этого года ничего не изменится, приму его». Он обрадовался. Слегка дотронулся до моей руки. Неужели придётся всё-таки выходить за него? Всё ещё глупо надеюсь выйти замуж по любви.

Меня угнетает то, что в нашем районе все такие ужасные, замкнутые, нерешительные интроверты. Варить кашу двум интровертам — значит варить её без огня и в холодной воде. Она будет вечно сырая. И мой ухажёр — тому пример. Замуж зовёт, а о своих чувствах даже сказать не может. Если бы он был более уверенным, куда-нибудь бы звал меня, помогал бы в решении проблем, я бы со временем вполне могла его полюбить! Но он ждёт инициативы от меня, а меня это жутко бесит. Терпеть не могу нерешительность наших мужчин.

Вот если бы у нас не было ограничений по возрасту, я бы выбрала кого-нибудь постарше. Когда наши взрослеют, они меняются, раскрываются, обретают уверенность (не все, конечно, но тенденция есть). И с ними уже приятнее варить кашу, чем со сверстниками.

Хотя, с другой стороны, зачем цепляться за замужество и делать из этого трагедию! Эль права. Любого из нас могут забрать, и останешься в одиночестве.

Г

Ах-ах! Вдыхаю, словно глупая влюблённая девица! Но так и есть, не узнаю себя. Делаю официальное заявление: когда влюбилась, стала совершенной дурочкой. Постоянно хочется улыбаться. Иногда плакать, иногда скакать по комнате, напевая какую-нибудь мелодию. Но чаще — улыбаться и смеяться. Не могу находиться в нормальном обществе, веду себя неадекватно. Но дома тоже не хочу сидеть, мне скучно, скучно, скучно!

Ладно. О ярмарке.

На ярмарке встретила сестрой Верой. Она живёт в другом четвертаке в «бордовом» районе и, кстати, любит носить одежду бордового цвета. Мы с ней с детства неплохо ладили, но, разъехавшись, стали реже видеться и меньше общаться. Постоянно брать разрешение для посещения чужого четвертака — слишком хлопотно, а на ярмарках встречаться — не всегда охота. Но сегодня я прошла дальше обычного и была ей рада. Вместе гуляли вдоль рядов, весело болтая о жизни.

Идём, разговариваем, и вдруг вижу Криса. Да, его так зовут, я написала это имя! Покраснела и смотрела на него, думая про себя: поздно могу здороваться с малознакомыми, а вдруг он не хочет меня видеть? Но он, заметив меня, подошёл и с сияющей улыбкой протянул мне руку:

— Здравствуй, Гелли!

— Здравствуй! Это моя сестра Вера.

— Рад знакомству, Вера!

— Взаимно! — улыбнулась она.

— Вы сейчас не заняты?

— О, что ты, нет! — ответила я за нас двоих.

— Тогда пойдёмте гулять!

И он повел нас в сторону парка.

Разговаривал в основном Крис. Говорил много: о работе, машинах, девушках. Мы с Верой только слушали, изредка вставляя фразы и отвечая на вопросы. Как выяснилось (что

привело меня в восторг), Крис — мой дуал! Он как раз из района «зелёных», где я гуляла в то воскресенье. Он был удивлён и даже восхищён тем, что я преодолела столько километров пешком. Я же была счастлива его восхищением.

Потом мы пошли в деревянный городок в парке, забрались в замок и уселись в одной из его комнат напротив друг друга. Мы так мило общались! Чувствовала себя ребенком, который, как в сказке, сидит на Луне и болтает ножками от избытка радости. Словно сбылась моя самая заветная мечта. Словно в моё сердце влилось столько любви, что его распирало, и оно боялось не выдержать, и поэтому изливало эту любовь через взгляд, улыбку и ещё что-то невидимое...

Вере, похоже, Крис тоже понравился, и поэтому нам было хорошо втроём. Не помню, о чём говорили. Помню только, что время пробежало быстро, надо было расходиться. Под конец он спросил зачем-то номер моего паспорта. Меня насторожило это: вспомнила книгу «Карьера и любовь». Но он сказал, что его друг ведёт какие-то исследования, и ему нужны номера. Мы с Верой дали свои, но родителей давать я отказалась. Сказала, что пусть сначала познакомит с другом, а там посмотрим. Он пообещал.

На прощание пожал нам руки, и мы расстались посреди парка. Договорились через неделю встретиться здесь же. Боже мой, как я счастлива!

Чихая от пыли... (Ф)

Ф

Чихая от пыли, которая толстым слоем скопилась на моей тетради, я открыл на последней записи, оставленной больше недели назад. Н-да, долго же я не писал, пребывая в своём болоте... Но сегодня всё изменилось.

Сейчас сижу и улыбаюсь, как круглый дурак. Смотрю на своё отражение в зеркале и думаю: откуда взялась в моей квартире такая довольная рожа? Словно её намазали мёдом и купали в молоке. Нет, отодвинусь. Не могу видеть эту идиотскую улыбку.

Итак, Милена... Она вышла бесшумно и неожиданно, когда я в раздумьях брёл среди деревьев.

— Фредли! — окликнула меня.

Я замер и остановился как вкопанный. Она, поди, полагала, что брошусь ей на шею? Расцелую от счастья?

Нет уж, дудки! Все мои тяжёлые мысли, беспокойство и апатия вдруг разом припомнились мне, и я принял позицию обиженного недоступного рыцаря, гордо оберегающего с трудом давшийся моральный покой.

Милена сделала шаг ко мне:

— Что же ты стоишь, Фредли! Боже, как я соскучилась!

В её голосе, интонации было столько искренности и живого участия, что вопреки своей воле сказал ей: «Привет». В планах же было молчать.

— Надулся на меня? — заботливо спросила она, подходя ближе. — Конечно же, надулся! Глупыш!

Вот те на! Так даже родители меня не называли. Я всегда для них был умным и сообразительным ребёнком. А теперь вдруг — глупыш. И этот беспечный тон! Словно я дитя малое, которому дашь конфетку, и оно перестанет плакать. Смотрел на неё с недоумением. Теперь был готов обидеться, что моим правом обидеться так пренебрегают.

Милена же, невинно похлопав глазками, продолжала:

— Ты надулся, что долго не давала о себе знать. Конечно же! А я, представляешь, болела. После прогулки на ярмарке у меня поднялась температура, лежала несколько дней пластом, а потом ещё столько же восстанавливалась и не покидала комнату.

Конечно, «болела». Как же это я раньше не догадался, глупыш эдакий. Можно подумать, она была прикована к кровати и не могла выйти на пятнадцать минут, чтобы сказать, что всё в порядке. Хотя что ей со мной возиться? Кто я такой? Очередной дуал, которого надо раскусить, а затем просто убрать с пути?

— Столько раз придумывала, как бы послать тебе письмо, — извиняющимся тоном продолжала Милена. — Но так ничего и не вышло. Прости меня, Фредли, не хотела, чтобы ты переживал. — Она коснулась моей руки. — Ну? Что ты стоишь? Не веришь мне?

Взглянул на неё и тут же отвёл взгляд. Это невозможно: ситуация поворачивается так, словно я бессердечный сухарь и не откликаюсь на страдания невинного существа.

— Верю, — выдавил из себя и тут же подумал: действительно верю? Похоже, да. По глазам кажется, что она действительно переживала.

— Мне нет смысла тебе врать, — Милена вздохнула и посмотрела на меня таким искренним-искренним взглядом, что почувствовал себя подлецом. — Иначе разве был ты сейчас цел и невредим?

Я не мог не изобразить слабое подобие улыбки. Но через миг снова стал серьёзным. Не поддаваться её влиянию. Это она сейчас такая добрая, а ярмарка наступит — можно и не замечать меня, идя под руку с каким-то подозрительным типом.

— Фредли, что не так? — воскликнула Милена, увидев мой вновь неприветливый взгляд.
— Что я такого сделала?

— Да ничего... — буркнул я. — Мало ли с кем можно гулять на ярмарке.

— Ты про Армена? Я кивнула тебе, если ты не заметил. Этого достаточно для человека, который выполняет Их задание. И, если тебе интересно, мы с ним просто друзья.

— Мне не интересно, — отрезал сердито.

Милена скептически оглядела меня. Некоторое время мы стояли и сверлили друг друга взглядами. Это была пытка ещё та, поскольку её взгляд покорял без драки, заставлял сложить оружие и сдаться в плен. Но я выдержал. Вспоминая все эти дни, смог продержаться и вложить в наши гляделки всю силу своего отчаяния, которое пережил раньше.

Наконец она сдалась и, примирительно вздохнув, ласково проговорила:

— Не хмурься больше. Зато мы никак не выдали себя. Теперь надеюсь, что все трудности позади и мы снова сможем видаться. К тому же я узнала кое-что новенькое.

— Новенькое? — не выдержал я.

Она засмеялась.

— Вот ты какой! Ничего тебя не интересует, кроме твоих исследований. Неужели нисколько не соскучился?

Она так по-доброму на меня смотрела, таким участливо-вопросительным взглядом, что я провалил оборону и сдал оружие окончательно.

— Конечно, я думал о тебе. Но чем дальше, тем более в негативном свете, как ты поняла. Так что ж ты узнала?

— Немного, но что-то, — в её взгляде читалось облегчение. — Мне мой братец в пылу своих эмоций бросил, что я этик позорный. Сказано это было в контексте того, что я рассуждаю нелогично. Я ещё раньше от отца в сторону мамы такое слышала, но не придавала значения. По-видимому, этик — это какой-то термин. Как думаешь, а?

— Хм... Этик, этика, этикет... Что-то из разряда морали, нравственности, приличий. Твоя мать и ты — этик. Вы вежливы, порядочны, соблюдаете этикет.

— Нет, не то! Какой этикет? Это зависит от воспитания, а не от рождения.

— М-да, — я почесал затылок и продолжил бормотать. — Его послушать, так отсутствие логики является этикой. ЛОГИК — ЭТИК. Противоположности. Или дополнения?

— Думаю, что это и противоположности, и дополнения.

— Логик. Логик мыслит логично. Разумно, правильно, головой думает. А этик логики не имеет. То есть головой не думает. А чем же он тогда думает? Или он вообще не думает?

— Сердцем он думает! Поняла! — Милена радостно хлопнула в ладоши. — И с точки зрения нормальной логики он поступает нелогично. Но на самом деле это не так! Армен, с которым была на ярмарке, на самом деле кошмарный логик. Он чувства не ставит ни во что. Для него то, что не логично, не существует. Представляешь, он не верит в существование души!

— Многие не верят.

— Да нет же, многие верят! — горячо возразила девушка. — А он говорит: раз её нельзя увидеть, потрогать, значит, её не существует. Но я-то знаю, что она есть! А доказать ему не могу.

— Да, есть над чем подумать.

Действительно, ответ должен находиться где-то рядом.

— Да, и ещё принесла тебе дневник.

— Свой? — удивился я.

— Нет, свой я редко веду, по настроению. Это нашей Али. Это «охра», помнишь, у тебя есть её имя в паспорте? Она мне давала читать свои записи, и я нашла их довольно милыми. Подумала, тебе интересно будет узнать больше и о таком характере.

— А ты спросила её разрешения?

— Нет, а зачем? Она же ничего не узнает.

— Знаешь ли... — с сомнением покачал я головой.

— Ты против? — удивлённо спросила она.

— Честно, да.

— Не будь таким принципиальным, Фредли! Как ты представляешь, что бы я ей сказала? «Аля, у меня есть знакомый, можно дам ему твой дневник?» Она бы спросила: «Зачем?» И мне пришлось бы сочинять длинную историю с неизвестно каким концом. Но если бы она знала истинную причину, обязательно разрешила! А истинную причину сказать как раз не могу.

— Но это же так... аморально, — не сдавался я.

— Вовсе нет! Бери, тебе же нужно для исследований.

— Хорошо, возьму, — согласился помедлив. — Но только в целях изучения и раскрытия системы. А вообще тебе не следовало бы говорить, чей это дневник.

— Да боже мой, забудь ты уже про него! Всё, спрячь и не думай больше.

Взял из её рук красивую тетрадь с котёнком на первой странице и засунул за пазуху.

— Ах, да, Фредли, чуть не забыла. Должна тебе кое в чём признаться.

«Ну вот, тайны и раскрываются», — подумал, но почему-то даже не удивился.

— Я рассказала о нас с тобой Алеку.

У меня было ощущение, что доверился близкому человеку, а меня сдали с потрохами. Облом. Конец.

— Я же просил... — протянул разочарованно, не в силах ничего возразить.

— Пойми, у меня не было выбора. Пока болела, сходила с ума от невозможности с кем-нибудь поделиться. Когда ты здесь, рядом, то всё в порядке. Но когда я вынуждена быть наедине со своими мыслями, мне физически не хватает общения. К тому же ко мне приходил отец и спрашивал, что я узнала у тебя. Ужасно испугалась и растерялась. Сказала, что ты так просто не раскрываешься, нужно время. После этого и рассказала всё Алеку. Мне нужна была хоть чья-то поддержка.

— Ладно, не бери в голову.

Какое-то время мы молчали. Думал: какой же я идиот, что доверился первой встречной девчонке! Теперь поздно, раз заварил кашу — сам и кушай. Но, с другой стороны, без неё у меня слишком мало пищи для исследований, да и откажись я сейчас от сотрудничества, больше не смогу понять, как работает взаимодействие дуалов.

К нам вернулась Нора, вся в траве и колючках, и напомнила о времени. Милена подошла ко мне и, взяв под руку, посмотрела на меня и улыбнулась. Разве может это доброе милое создание что-нибудь замышлять против кого бы то ни было? Разве может плести козни и откровенно лгать мне в глаза? Да она против родителей-то ничего не может! И как могу обвинять её, не зная характера? Если она что-то делает, то потому, что такая и есть. Видимо, таковы мои дуалы. Без поддержки и общения они вряд ли что-то могут. Они умеют лишь вдохновлять других на совершение чего-то, как это было со мной.

Всё это пронеслось у меня в один миг. Посерьёзнев, сказал:

— Тебе не следовало бы привязываться ко мне. Ведь если меня постигнет судьба предыдущего, то тебе будет что терять.

— Боюсь, ты опоздал, Фредли, со своим заявлением, — смеясь, ответила она.

Мы возвращались вместе. Она держала меня под руку, чтобы не отставать, а Нора весело неслась впереди. Со стороны мы, наверное, были похожи на милую семейную пару, вышедшую на прогулку вместе с собакой. На деле же мы никто.

А

Тихо-тихо кружится, опускается снег... Словно мягкая шёрстка маленького пушистого зверька. Он не спит сегодня в лесу, а сидит под деревом и смотрит, как падают блестящие

снежинки, как закрывают они следы всех животных и существования жизни на земле. И вдруг ему становится так одиноко. Ведь все эти следы — часть него самого, вон там бежала лисичка, пытаясь замести их своим распушённым хвостом, а это — прыгал трусливый зайчишка. А снег ляжет — и не останется ничего. Наступит первозданная чистота, такая красивая, но чуждая чувствительному сердцу зверька. Он смахнёт лапкой слезу и посмотрит на небо.

Звёзды... Они так далеко и так равнодушно взирают на его печаль. Если меня вдруг не станет, будут ли звёзды так же равнодушны? Пустят ли родные и друзья слезу, утратив меня?

Эх, зверёк! Мне сейчас одиноко, как и тебе...

А

Мамочка мне часто рассказывала, как я родилась. Папа назвал меня Алей, хотя маме больше нравилось другое имя, но слово папы — всегда закон.

Мама говорила, когда вырасту, то встречу своего принца — такого красивого, сильного, за которым можно быть как за каменной стеной. Я всегда верила мамочке, потому что она не может меня обмануть. Она сама всегда верила и встретила моего папу. Жаль только, что у меня нет братиков и сестрёнок. Но в детстве я не скучала: со мной играла Мила с Алеком и Спиром, а иногда даже Он!

Он не очень любил играть в компании. Обычно сидел один и что-нибудь делал так серьёзно-серьёзно. Но тогда было лучше: мы по праздникам играли в общие игры, и он мог брать меня за руку, и это было так естественно.

Я тогда смеялась над ним: он казался таким скучным. Мне всегда было веселее с Милой и Алеком. Спир часто обижался и плакал, меня обижал. А Мила нас мирила и придумывала что-нибудь весёлое.

А потом, когда мне исполнилось пятнадцать, посмотрела на него другими глазами. Помню, так смеялась и плакала в этот день!!! Это было невообразимо. Мы гуляли по лесу все вместе, потом пошли на нашу детскую площадку. Недавно ветер сломал дерево, и я решила на него залезть. Но так получилось, что попала ногой в расщелину дерева и подалась назад. Жутко испугалась, закричала скорее от страха, чем от боли. Я ведь могла упасть и сломать застрявшую ногу. На миг показалось, что я умру такой молодой, не познавшей счастья...

Но вот появляется Он. С невозмутимым сосредоточенным лицом одной рукой хватает меня за талию, а второй аккуратно высвобождает мою ногу. Затем берёт меня на руки и снимает со страшного дерева. Вот тогда увидела, что Он — мой принц, мой спаситель, судьба моя и любовь моя... О, небо, спасибо, что я нашла его, моего принца, что он здесь, рядом, могу видеть его, общаться с ним, любить его!

Правда, меня он совсем не замечает. Со мной сух и холоден, но он всегда такой. А я живу надеждой, что смогу растопить его лёд, и он придёт ко мне, мой самый любимый, и мы будем с ним счастливы так, что на небе зажжётся ещё одна звезда...

А

Весёлый день, счастливый день! Его мне принесла птичка на хвосте. Гуляла по лесу, а она облетела меня и трижды прокричала. Подумала: сегодня что-то будет! И предчувствие не обмануло меня.

Сегодня ко мне подошёл Он и сказал, что хочет со мной поговорить. О, я была так счастлива одним этим! Что, кажется, он всё понял. Но разговор был о другом. Он спрашивал, на чьей я стороне, кому больше доверяю и много всяких странных и непонятных вопросов. Я сказала, что всех люблю и хочу, чтобы все мы были счастливы. Он стал спрашивать,

вдруг мне придётся выбирать. Не знаю, что он хотел от меня, но только я не выдержала и выпала: «За тобой хоть на край света!»

Кажется, он удивился, или, мне так показалось, улыбнулся — это такая прелесть, он так редко улыбается. И поцеловал мне руку. Боже, боже мой!!! Хожу теперь, сияя от счастья, и не мою ладонь, к которой прикасались его губы. Спир видел меня и издевался надо мной, мол, всё Ему расскажет. А я сказала, что ему не понять моего счастья и он не сможет испортить мне настроение.

Смеюсь сегодня весь день, иногда до слёз. Кажется, счастье так близко, что стоит протянуть ладонь — и я сорву его с неба и накрою им Его и себя. Как хорошо! Как я счастлива!

*****Ф*****

Почитав немного чужой дневник, я, честно говоря, утомился. Не знаю, с чего вдруг. Милые сопли милой девочки, но это надо же столько бумаги тратить на такую ненужную болтовню. Нет, я бы не взялся за дневник просто так, чтобы писать, как счастлив. Если счастлив, так «иди и сделай что-нибудь хорошее, пока настроение есть», как говорит мой друг из «зелёного». Ей, похоже, время девать некуда, вот она и радуется.

Да, вот это, наверное — наитипичнейший пример этика. Даже не просто этика, а эдакой бабы-этика — слишком много здесь именно бабьего. Слезы, нюни, смех, болтовня без дела... Нисколько не осуждаю эту девочку, просто не понимаю.

*****Ф*****

Сегодня случилось кое-что новенькое в моей жизни — познакомился с Гелли и Верой. Это произошло на ярмарке, когда встретил Криса в окружении девушек. Я шёл по Центральному парку, раскинувшемуся своими широкими аллеями на несколько километров, желая побродить под густыми кронами, а не плавать на солнце и среди потных тел в торговых рядах.

А друг шёл навстречу и что-то вещал спутницам, размахивая руками. Он обрадовался мне и позвал всех нас в кафе.

Обе девушки произвели на меня немного не такое впечатление, как рассказывал Крис. Вера, «бордовая», мне показалась более уверенной, практичной и следующей пословице «Встречают по одежке». Её подчёркивающая стройную фигуру блузка и короткая юбка, а также искусно сделанный макияж привлекали внимание. Она производила впечатление человека твёрдого, хоть и доброго, и ещё спокойного, как танк.

Гелли, из «персикового», показалась совсем не похожей на сестру. Она выглядела так, словно ей не нужно как-то особенно наряжаться, чтобы нравиться: джинсы, свитер — ничего лишнего. Волосы убраны в пучок. Минимум косметики. У Гелли глубокий взгляд, но иногда она будто уходила в себя. А когда возвращалась, то забавно так смущённо или растерянно улыбалась. Показалась мне тоже доброй и даже безотказной.

Итак, мы уселись за столик, Крис заказал всем мороженого. Запахло чем-то клубничным и мятным из далёкого детства.

Сегодня друг выглядел более неформально — джинсы, хлопковая рубашка в крупную клетку — и казался своим парнем, довольным собой и ситуацией. Похоже, количество спутниц его не смущало, а прибавляло сил.

— Мы с девушками обсуждали, нужно ли отстреливать бродячих собак, — с серьёзным видом заявил он. — Гелли утверждает, что это бесчеловечно. Хотя вряд ли это слово подходит к животным.

— Это жестоко, я хотела сказать, — проговорила девушка, ковыряя ложечкой свой белый шарик. — Неправильно все проблемы решать силой. Лучше было бы помочь собакам найти хозяев, которые бы о них позаботились.

— Ты слишком хорошо думаешь о людях, — покачал головой Крис. — Кому нужны бродячие псы. А ты, Вера, что скажешь?

Вера не сразу ответила. Она, облизывая ложку, оглядела присутствующих, а затем вдруг проговорила ровным голосом:

— Бездомным животным не место в цивилизованном обществе.

— Вот так, да? — удивился Крис.

— Совершенно. Отстреливать — это единственный выход, — спокойно закончила она.

И я посчитал её доброй!

— А как же право животного на жизнь? — спросил вдруг я.

Не знаю почему, но мне захотелось поддать жару в этот спор.

— Да брось, Фред! — тут же отреагировал мой «зелёный» друг. — Где ты видел, чтобы в нашем мире у кого-то было это право?

— Если мы, люди, не можем организовать свою жизнь без насилия, то в чём виноваты собаки? Если они не умеют отстаивать свои права, повод ли это, чтобы их убивать?

Я поймал удивлённый и внимательный взгляд Гелли.

— Не повод, — вдруг тихо, но решительно заявила она.

— Очень даже повод, — не согласилась с ней сестра.

Затем задумчиво глянула на Криса из-под своих ресничек и спросила:

— Ты сам-то что думаешь?

И, похоже, зря сделала. Крис пустился в пространные рассуждения о том, зачем люди заводят животных, и что лучше бы вообще это запретили. Я тут же скис: по опыту знаю, когда мой друг в присутствии дам берётся за такие темы, то быстрого конца не жди.

В течение этого монолога девушки вели себя по-разному. Вера, периодически чуть приподнимая брови, лишь опускала глаза и кокетливо улыбалась. Крис обращался в основном к ней. Гелли же, казалось, слушала вполуха: её взгляд был в креманку с остатками мороженого, она выглядела чуть печальной. «Похоже, мой дорогой друг всё-таки сделал свой выбор», — предположил я, глядя на обеих девушек.

Недолго думая, я случайно задел Гелли за локоть. Мне давно хотелось с ней пообщаться, а слушать нудную болтовню Криса ей, по-моему, было ещё менее интересно, чем мне. Она смущённо посмотрела на меня, а я громко откашлялся.

— Кхе-кхе. Может, кто-нибудь желает сока? Мы с Гелли пойдём выберем какой-нибудь.

Крис остановился, и, весело оглянув нас, сказал:

— Это ты кстати, а то во рту пересохло.

Мы поднялись и заняли очередь за соком.

— Ничего, что отвлёк тебя? — спросил у Гелли.

— Хорошо, что отвлёк, — улыбнулась она.

И, словно с опаской оглянувшись на наших спутников, тихо проговорила:

— Давно хотела спросить: ты ещё изучаешь... числа?

— Изучаю.

— Могу чем-то помочь? Тоже хочу понять... Что здесь неправильно.

— Так, значит, ты считаешь, что-то неправильно?

— Я в этом убеждена, — уверенно покивала она. — Понимаешь, государство заключило нас в такие рамки, что нет возможности для развития. Застой. Везде застой.

— А что, по-твоему, нужно, чтобы развиваться?

— Нужны люди. Разные. И разные ситуации, проходя через которые, человек становится мудрее. Нужны конфликты, от которых государство нас так оберегает. А ничего нет. Ни людей, ни ситуаций. Всё слишком ровно и гладко. И слишком хорошо, чтобы быть жизнью.

— Хорошо?

— Да, хорошо.

Я задумался над её словами. Она видела проблему по-своему. Решил приоткрыть ей карты. Если быть чересчур осторожным, можно вообще ничего не добиться.

— Я изучаю особенности характеров людей, живущих в каждом районе. Ведь они похожи в чём-то главном.

Она кивнула. Как будто не удивилась.

— И мне нужен материал для дальнейших исследований.

— Люди?

— Да, подавайте мне всех этих людишек, да побольше, побольше!

Похоже, моя шутка в стиле маньяка-людоеда не рассмешила девушку. Растерянно улыбувшись, она проговорила:

— Я поняла, что за людьми наблюдать тебе никто не позволит.

— Точно, — я снова стал серьёзным. — Именно поэтому мне нужны дневники.

— Дневники? — в ужасе переспросила она, снова оглянувшись по сторонам.

— Да. Может, ты раньше вела дневник и не боишься его показывать, я прочитаю и сделаю выводы. Потом попрошу у Веры.

— Ты очень... странно мыслишь. Думаешь, кто-нибудь захочет открывать свои личные мысли, самые сокровенные и тайные?

— А почему нет? Я же не знаю этих людей. И меня не интересуют всякие там амурные страдания. Мне важен образ мыслей человека, его логика, рассуждения, реакция на сложные ситуации, других людей, философия, характер. А уж кого он там обманул или бросил — до этого мне нет никакого дела.

— Хм-м... Это очень важно?

— Когда невозможно общаться с людьми из разных районов — да.

Гелли задумалась.

— У меня есть дневник... — неуверенно начала она и остановилась.

Я ждал.

— Но не могу...

— Я и не принуждаю, — улыбнулся иронично.

Боже, как она хватается за свои мысли!

— Ты никогда не вёл дневники! — горячо заявила она вдруг.

— Один-ноль в мою пользу. С недавнего времени веду тетрадь, где записываю абсолютно всё.

— Абсолютно всё? — недоверчиво переспросила она. — Не верю! Скажи честно, писал ли ты о своих чувствах к девушке, о любви, о том, как она на тебя взглянула?

— Нет, — ответил я и почему-то не смог посмотреть ей в глаза.

— А я пишу... Нет, прости, не могу тебе дать свой дневник.

— Да ладно, у другого кого-нибудь попрошу.

Тут подошла наша очередь, и я купил каждому по стакану сока.

— Но ты всё же подумай, Фредли, вдруг буду полезна чем-то другим?

— Ладно. Подумаю, — пообещал я.

Больше мы с ней об этом не говорили. Нас четверых захватила общая тема: как бы попасть среди недели в чужой четвертак без ущерба со стороны властей. Самый практичный вариант предложила Вера: говорит, надо дружить со всеми близкими и дальними родственниками и ездить к ним каждые две недели на дни рождения.

— Это точно! — обрадовано подхватил Крис. — Ведь там я и познакомился с Гелли!

При этих словах Гелли словно засияла, но затем сделалась ещё грустнее. «Вот бревно! — в сердцах обозвал я Криса. — Разве так можно говорить девушке, которую ты так нагло променял на сестру!» Не желая больше видеть, как султан выбирает жён, сославшись на дела, попрощался и вышел из кафе.

*****Ф*****

Мне не даёт покоя мысль, которую озвучила Гелли. Про конфликты.

В школе есть урок про избегание конфликтов. Любые ссоры, перепалки, обиды, а тем более драки — всё это глубоко под запретом в нашем государстве. Нет ничего хуже, чем стать зачинщиком конфликта. Публичная порка, наказание, комиссия по разбору конфликтов... Не позавидуешь тем, кто попался.

Зато общество у нас спокойное и доброжелательное. По крайней мере в нашем районе. (То, что было у «хвойных», до сих пор понять не могу).

Но эта идея Гелли, что конфликты нужны для развития... Честно, выбивает из колеи.

*****Ф*****

Сегодня Милена была недолго. Мы даже толком не поговорили.

— Твоя Аля — такой этик, что я не в состоянии слишком долго читать её дневник, — пожаловался я.

— Тебе не понравилось? А по-моему, она мило пишет, с таким чувством.

— Нет, я не сказал, что мне не понравилось, но там ни одной полезной строчки. Всё какая-то этичная галиматья.

— Постой, — перебила меня Милена, — по-твоему, все логики — такие умные, а этики лишь эмоциональные глупцы, которые совсем не соображают?

Задумался.

— Нет, я так не думаю. Но в стандартном понимании логика — это как раз категория ума. А не чувства.

— Мой отец в пылу раздражения не раз называл меня дурой. Но ведь это неправда, Фредли! Я совсем не дура!

Я не мог не улыбнуться.

— Если ты дура, то я тогда пень гнилой. По-моему, многие вещи ты быстро схватываешь, и голова у тебя работает что надо. А отца не слушай. Как мне кажется, некоторые логики ставят свою логику в царицы всех наук. И за людей не считают тех, кто ей не обладает. У меня у самого такое слегка наблюдается.

— Фредли, если считаешь меня дурой, так и скажи. Я не обижусь, но мне надо знать. Знаешь, как уже достало? Меня не только отец так называл. Помню, как мы в детстве в шахматы играли, а у меня не всегда получалось. И Армен всегда так на меня смотрел — ничего не говорил, но смотрел с таким видом, будто я совершенная бездарь, которая ничего не сообщает! А я, между прочим, была отличницей в школе. А теперь и Спирит заладил: чуть стоит ошибиться — и всё, дура! И если ты, Фредли, тоже так думаешь...

Она остановилась, чтобы перевести дыхание. Вид у неё был разгорячённый, словно доказывала на суде свою невиновность. И чего ей далась эта дура?

— Я же сказал: не считаю тебя дурой. Тебе выписать удостоверение и поставить подпись?

— Ладно, извини, — спохватившись, улыбнулась она. — Для меня это большой вопрос.

Потом проводил её до дороги, и она взяла меня за руку, чтобы держаться. По её словам, она не выпалась, и у неё совершенно нет сил. Ощутил её горячую ладонь в своей и кожей почувствовал, как она хрупка.словно лёгкая пушинка, которую может сдуть любой ветер. Как не хватает ей опоры, сильного мужского плеча. Пока шли, иногда крепче сжимал её руку, подхватывал её, когда она запинаясь об упавшие ветки, и старался быть для неё тем самым плечом. А когда она наступила на острый сук и до крови расцарапала ногу, взял её на руки и пронёс до самой дороги. Она казалась мне почти невесомой. На прощание она едва коснулась моей щеки, оставив неповторимый воздушный эфир вокруг меня.

*****Ф*****

Сегодня на работе я нашёл на столе бумажку. Свёрнутый вчетверо листок. Так и установился на него. Наживка? Ловушка? Или...

Оглянулся. Заставил сердце снизить громкость. Ловко сунул её в карман. И развернул только дома:

*ИЛЭ (1) ЭИЭ (5) СЭЭ (9) ЛСЭ (13)
СЭИ (2) ЛСИ (6) ИЛИ (10) ЭИИ (14)
ЭСЭ (3) СЛЭ (7) ЛИЭ (11) ИЭЭ (15)
ЛИИ (4) ИЭИ (8) ЭСИ (12) СЛИ (16)*

Похоже на ключ... Их шестнадцать, они разделены на четыре — это буквенные обозначения тех типов, которые у нас в паспортах. Если это так, то это... кладезь.

Моё имя в буквенном варианте читается как СЛИ. Лишь одну букву могу расшифровать: Л — логика. Для остальных у меня слишком мало информации.

Всё же правильнее будет оставить эту бумажку и продолжать независимые исследования. Во-первых, верить опрометчиво. Во-вторых, знаний у меня ещё мало, а строить догадки при отсутствии фактов — без толку. В-третьих, проводя исследования самостоятельно, смогу проверить истинность данной бумажки или же своих выводов.

Да, надо не забыть сжечь её как можно скорее.

*****Ф*****

Я так и не понял, что произошло вчера.

Вломились двое в форме с оружием, заставили меня встать лицом к стене, руки за голову, а сами устроили поиски в моём доме. Желудок скрутило, тревога сдавила горло.

Они открывали шкафы, осматривали книги, вываливали вещи. Вопрос «Что ищете?» застрял где-то внутри. Я судорожно перебирал, чем был вызван их приезд. Записка? Сжёл вчера. Дневник? Только бы не заметили. Пролил на него чай, и он у меня сушился ровненько за батареей.

Они разворошили комнату и прошли на кухню. Но там были недолго. Прошарили коридор, заглянули в туалет. Наконец вышли, не сказав ни слова, больно пихнув меня в бок. Я подождал, пока шаги стихнут, и поставил себе чай. Затем, переведя дыхание, оценил размер ущерба и стал молча прибираться.

На днях... (Г)

Г

На днях познакомилась с Фредли. Он «болотный», друг Криса. Сначала показался мне странным. Так внимательно нас с Верой рассматривал, будто лошадь выбирал. Было немного неприятно.

Но потом мы разговорились, и первое впечатление пропало. Если я правильно поняла, он проводит независимое исследование всей этой системы, по которой мы живём. Хочет раскрыть тайну и понять, как всё устроено. Интересно, а знает ли он теорию типов? И вообще: откуда берёт информацию? И для каких целей ему всё это понадобилось? Надо будет спросить его, когда мы познакомимся поближе.

И да, он спрашивал у меня дневник. И, похоже, не понял, с чего я вдруг запаниковала. Сразу видно: не вёл человек дневники. А таким и объяснять бесполезно. К тому же он логик. А что с логиков взять?

Сегодня, когда мы общались все вместе с Крисом, я подумала: до чего же я была слепа, когда пришла в их «зелёный» отдел на ярмарке! Как могла не увидеть, что это лишь... маска, которую они привыкли на себя надевать. Особенность характера у них такая. Они друг перед другом показывают, как готовы использовать женщин в своих интересах, но это — лишь внешняя оболочка, на самом деле они не такие. В действительности они могут быть и чуткими, и внимательными, и любить, и преклоняться перед женщиной, и красиво ухаживать, и подставлять ей сильное мужское плечо, и видеть в ней человека, личность... Надо только позволить раскрыться в них этим качествам.

Так что, наверное, я люблю своих дуалов. Хотя не сказать, что очень счастлива после сегодняшней встречи с Крисом. Но нет, мрачные мысли прочь!

Г

Вернулась сегодня из школы, было собрание учителей. Разбирали дело одного ученика, который разбил окно и собирался выпрыгнуть оттуда. По нему видно за километр: это «оранжевый», тип моей бабушки, наш сосед по району. Уж не знаю, как Они могли не заметить и поместить его к нам! Высказала своё мнение. И тут началось...

Наша завуч — у нас давно с ней взаимная неприязнь — прочла большую лекцию, что надо любить каждого ученика вне зависимости от района. И что не мне, опытному психологу, она должна это говорить. Многие её поддержали и накинулись на меня, словно я предположила что-то кощунственное. Причём слово «накинулись» здесь не совсем подходит — нельзя же нападать открыто. Поэтому многие очень мягко, с фразочками типа «возможно, я не права» или «это только моё личное мнение» меня лажали. Слушала это, потом, скрепя зубами, выдавила: «Поступайте, как считаете нужным», — и вышла из класса.

Не знаю, что со мной. Никогда раньше не психовала по мелочам, а теперь вдруг вспыхнула из-за какого-то мальчика. Почти потеряла лицо. Да он никогда не спрыгнул бы, только хотел обратить на себя внимание! Но я повела себя ужасно, как дитя малое — в детстве хлопала дверями и запиралась от всех в туалете, когда обижалась. Смешно, не правда ли? А потом, став постарше, так гордилась своей миролюбивостью.

Но сейчас... мне надоела «скользкость» нашего типа! Надоели эти увёртки, эти «может быть» и «по-моему». Хочу, чтобы мне прямо всё сказали, прямо обозвали меня бессердечной скотиной и уволили с работы! Да, я так хочу! Сколько можно?! Чувствую себя бессильной маленькой букашкой, которая никто и ничто не может в этом мире.

А эта ярмарка. Она мне приносит ещё больше боли. Люблю Криса, а он интересуется Верой, ухаживает, говорит комплименты. Нет, не жалуюсь: он чрезвычайно галантен — ведёт

себя с ней по-дружески, когда мы вместе. Но мне и не нужно слов: по его взгляду, интонации чувствую, что значат его фразы. Боже, как я была слепа! Вера тогда в восхищении говорила мне о нём. Я думала: какая хорошая у меня сестра, радуется моей любви, поддерживает меня. Ведь это всё-таки мой дуал. А теперь, когда я всё увидела, то уже поздно, батенька. Бобик сдох.

В такие моменты хочется всё бросить и уйти отсюда — за стену или ещё дальше, если там есть хоть какая-нибудь жизнь.

Г

Чувствую себя совершенной идиоткой... Опять меня развели.

Обидно до слёз, честное слово. Да не жалко мне эти деньги, не в них дело. Но зачем так подло обманывать. Да я тоже хороша, что и говорить.

Случилось всё просто: заменяла знакомую в магазине, она продаёт сувениры-подарки. Заходит ко мне мужчина, просит:

— Девушка! Еду из другого района, бензин кончился, дайте, пожалуйста, сотню — мне не на что заправиться, а там сдам груз и вам тут же всё верну!

Я задумалась. Он тем временем болтает о том о сём, как он сам кого-то раз выручил, как ему за это коробку апельсинов домой принесли, как люди должны помогать друг другу.

— Выручайте, девушка! Всего сотню.

— Хорошо, — говорю, — берите. Только возвращайтесь скорее, я здесь только до обеда.

Вышел, но через минут пять вернулся.

— Что-то бензин у вас дорогой. Не думал, что так, думал, как у нас. Дайте ещё полтинник.

Даю. Не уходит.

— Знаете, у нас ещё шланг порвался. Можете на шланг дать?

— Мы же договаривались только на бензин!

— Без шланга бензин не закачать. Девушка, выручайте! Раз уж начали. Куда я сейчас пойду?

Поколебавшись, даю и на шланги.

— И ещё червонец.

— Зачем?

— Чтобы чай с булочкой купить.

Даю. Он уходит. А я в ту же секунду понимаю, что меня надули. Причём так просто, нагло и откровенно. Пустота внутри. Он не придёт. Удивляюсь, какой надо быть дурочкой, чтобы поверить ему...

Причём самое обидное, если бы взяла паузу, всего пару минут наедине с собой, и честно бы себя спросила, не лжёт ли он, внутри услышала бы ответ: лжёт. Но за его болтовней мне это было сделать трудно, словно забылась, потерялась, отключилась — не знаю, как это назвать. От меня уже не первый раз в магазине одни убытки...

Но могу себя утешить, я не одинока в своей глупой доверчивости. Недаром на ярмарке все шарлатаны вращаются возле нашего района.

Меня отправили... (Ф)

Ф

Меня отправили в «аквамариновый» район для консультации со специалистом по собакам: Нора стала выть по ночам. Я решил совместить полезное с полезным. Сначала послушал умного человека по вопросам того, как устроены собаки и что ей может не хватать, а затем сел в такси к Крису, и мы поехали к его сестре. Он давно хотел меня с ней познакомить.

— Я предупредил её, она не любит неожиданностей, — сказал Крис по пути.

Болтая с другом, я поглядывал в окно и отмечал, как в этом районе чисто, разумно и рационально; везде понятные указатели, надписи, обозначения. Создаётся впечатление, что всё сделано специально для «дебилов»: есть стрелочки даже с текстом «Мусорный бак» или «Место для выгула собак».

Крис рассказал, что здесь здания различаются архитектурно: жилые дома построены в одном стиле и одной планировки, школы имеют свой стиль, магазины — свой. То есть, не видя вывески, можно издалека примерно определить, чем является виднеющееся впереди строение.

А ещё у них электронные часы везде висят. И, что удивительно, показывают не только время, но и температуру воздуха, влажность, атмосферное давление. А на остановках везде установлен таймер, который говорит, сколько минут осталось до приезда общественного транспорта. Я ещё не успел заметить, но, по словам Криса, автобусы у них всегда приходят вовремя.

Итак, мы вошли в один из жилых домов и на идеально чистом современном лифте поднялись до нужного этажа. Раздался звонок — и через несколько секунд дверь нам открыла среднего роста стройная девушка с красивой причёской, спокойным взглядом и улыбающимися краешками глаз. Одета была по-домашнему, но безукоризненно, с претензией на вкус.

— Добрый день, — приветливо проговорила она.

— Здорово, сестрица! Вот привёл тебе своего друга, Фредли. Давно желал с тобой познакомиться! — подмигнул он.

Мне не понравился его тон. Оксана оценивающе оглядела меня с головы до ног и изящно протянула руку, которую я, как истинный джентльмен из романа, поднёс к губам.

— Входите, — пригласила она нас жестом в комнату.

Я снял куртку, ботинки и достал из сумки специально приготовленные тапочки, памятуя о квартире Феликса. Однако здесь это было излишним: полы были устланы красивыми дорожками и коврами, так что мои белые носки бы не пострадали. Тем не менее Оксана поддержала меня, обронив фразу: «Это кстати!» — когда проходила мимо с подносом.

В целом квартира имела привычную планировку для незамужних девушек: комната-спальня и кухня-гостиная. Удивляло лишь, что Оксана жила одна. То ли её соседка недавно съехала, то ли есть другие причины.

В просторной кухне стоял диван, висел экран напротив. Пахло какими-то травами. Мы уселись подальше за стол с белой скатертью. Оксана поставила нам графин с соком и тарелки с печеньем, конфетами и фруктами.

— Пожалуйста, угощайтесь, — проговорила она. — Крис, поухаживай за гостем.

— Хозяйка здесь ты, а я такой же гость, как и Фредли, — посмеялся Крис.

Оксана искоса глянула на нас и строго ответила брату:

— Я думала, что ты как мужчина умеешь элементарное — налить гостю и даме сока.

— Как пожелаешь, сестрица, как пожелаешь, — тут же поправился Крис и взял в руки графин.

Он был слегка возбуждён и очень доволен. По-моему, у него давно сидела мысль свести меня со своей сестрой. Оксана следила за его действиями.

— Осторожней, прольёшь на скатерть.

Не успела она это сказать, как капля жёлтой жидкости упала на белое полотно и позорно растеклась. Крис с шумом поставил графин на стол.

— Чёрт! Что у тебя за графин, из которого налить нормально нельзя?

Оксана смерила его взглядом:

— У кого руки не из того места растут, тому ничего уже не поможет. Извини, Фредли, за пятно, — обратилась она ко мне.

— Ничего страшного, — ответил я, а сам подумал: «За что тут извиняться?»

Оксана вышла, а Крис, посмотрев на меня, проговорил.

— Мда. Сестрица у меня — орешек ещё тот. Но не обращай внимания, она добрая. Только зануда ужасная.

Сказано это было так от души, что я повеселился.

Оксана вернулась через минуту с салфеткой, пропитанной чем-то. Приложила её к пятну, затем ушла помыть руки. Вернулась с тремя салфетками, две из которых раздала нам, а одну взяла себе, аккуратно расправила и положила на колени. Я последовал её примеру, Крис тоже. Судя по его лицу, он проделывал эту операцию уже не первый раз. Вообще у меня создавалось ощущение, что она диктует свои правила всем без исключения, кто встречается на её пути.

В этот момент ко мне подошла пушистая белоснежная кошечка и прыгнула на колени.

— Какое милое создание, — сказал я выученную фразу, чтобы сделать Оксане приятное и завести разговор.

— О боже, — ответила она. — Опять Мариния запрыгивает к незнакомым мужчинам на колени! И снова во время еды. Брысь!

Услышав голос хозяйки, кошечка соскочила и уселась на диван.

— И давно у тебя она? — спросил я, продолжая попытку.

— Два года, — ответила Оксана, покачав головой. — Мороки с ней...

— Какая тут морока! — вмешался Крис. — Она у тебя чистюля, спокойная и ест мало. Что ещё нужно от животного, которое содержишь?

Хозяйка пожала плечами с таким видом, будто мы ничего не понимаем в проблеме содержания домашних животных в квартирных условиях.

— А почему ты завела именно кошку? Не черепашку, крысу или морскую свинку? — поинтересовался я.

При последних словах Оксана поморщилась с таким видом, будто бы ей предложили разводить глистов в желудке. Она махнула рукой:

— Не говори мне об этих противных тварях. К ним совершенно невозможно прикоснуться!

Мы с Крисом засмеялись. Наконец-то беседа начала клеиться.

Крис спросил её, как поживает подруга детства или ещё кто. Пока Оксана рассказывала, боковым зрением изучал её внешность. Попробую описать.

Лицо у неё правильное. Средних размеров зелёные глаза, ровный гладкий лоб, маленький носик и красивые пухлые губы. Волосы чёрные до плеч, некоторые пряди аккуратно висят спереди, каждая на своём месте. В её причёске и внешности абсолютно не к чему придраться. Выглядит она безупречно, но в то же время естественно.

Выражение лица интересное. В районе бровей пролегла складка, которая говорит, скорее, о твёрдом и волевом характере девушки. В то же время морщинки у глаз и у рта выдают натуру, склонную улыбаться и смеяться. Вообще у неё есть все данные, чтобы понравиться любому мужчине.

Фигура женственная и, я бы сказал, идеальна. Был бы женщиной, непременно заказал бы себе именно такое тело.

— Фредли, а как ты относишься к полным девушкам? — Оксана с улыбкой смотрела на меня.

Я упустил нить их разговора, поэтому теперь не мог понять, чего от меня хотят.

— К полным девушкам? — переспросил, оттягивая время.

— К эдаким «слоникам», — пояснил Крис.

— Э-э-э... В принципе неплохо. Наверное... Таких почти не встречал.

Они продолжали на меня смотреть.

— А вообще мне твоя фигура нравится, Оксана, — зачем-то спалился.

— Ба! Ну и дела, брат! — захохотал Крис.

Оксана же лишь чуть заметно улыбнулась со снисходительным видом, будто иначе и быть не могло.

— А я люблю мужчин с длинными волосами, — медленно проговорила она, смакуя каждое слово и глядя мне в глаза.

(Я тогда так и не подстригся по совету моей барменши).

Крис, похоже, совсем развеселился. Он точно хотел нас свести! И как я мог в этом сомневаться? Желая сменить тему, перекинул стрелки:

— Скажи же, братцу твоему тоже не помешало бы слегка обрасти. А то у него вид, будто у заключённого.

Оксана убедительно кивнула. Крис же стал защищаться.

Так мы проговорили какое-то время о всяких пустяках. Оксана то и делала, что подкалывала Криса и сажала его в лужу. Похоже, что это всё было в шутку, хотя не ручаюсь. Крис же, казалось, не замечал издёвок, хотя и не давал себя уронить, он острил, смеялся и всячески пытался расположить нас друг к другу.

Понаблюдав за Оксаной, решил, что она логик. В ней есть холодная расчётливость и очень мало душевного, эмоционального, спонтанного. Мне кажется, влюбись я в неё, она бы управляла мной, как хотела, и не поморщилась. Не зря Крис называл её занудой.

А ещё в ней есть какая-то уверенность и стабильность. Давно не встречал это в наших девушках.

Под конец Оксана сказала, что ей надо зайти к знакомой, и мы отправились её провожать. Она без церемоний приняла все мои ухаживания: помочь надеть плащ или подержать сумку. Как будто так и надо. Словно все мужчины обязаны так с ней себя вести. Это поведение немного сбивало с толку, но в принципе нравилось. Вернулся довольный и слегка околдованный этой загадочной девушкой.

*****Ф*****

Сидел вечером один, как ко мне вдруг пришла Гелли. Удивился. Не помню, чтобы приглашал её и тем более давал адрес. Мы ведь виделись только раз на ярмарке.

— Привет, какими судьбами? — спросил с порога.

— Прости, что без приглашения. Но я...

Она очень волновалась. Причёска потрёпана ветром, взгляд вопросительный.

Усадил её на диван, принёс чаю (как раз пил).

— У меня у мамы день рождения, а я сбежала ненадолго. Хотела кое-что обсудить с тобой.

— А как ты узнала, где я живу? — не мог не спросить я.

— Это всё Крис. Поэтому, если я не помешала...

— Нет, не помешала, — прервал её. — Я не занят. Поэтому садись поудобнее, пей чай и не стесняйся.

Она вздохнула и стала рыться в сумочке. «Странная девушка, — подумал я. — Шла на день рождения и не принарядилась. В тех же джинсах и свитере, что и на ярмарке».

— Вот, — протянула Гелли. — Это дневник.

— Чей?

— Мой. Не смейся, пожалуйста, — торопливо проговорила она. — Это было непростое решение. Но если это действительно важно.

— Конечно.

— Тогда бери и читай.

— Спасибо, — поблагодарил я её и взял мятую толстую тетрадь. Да уж, вот и посыпались на меня дневники.

— И ещё... Я хотела бы помочь тебе.

— Понял.

— Нет, ты не понимаешь. Я много чувствую...

Где-то уже слышал эту фразу. Кажется, её говорил какой-то этик.

— ...И понимаю, что Они разделили тех, кто друг в друге нуждается. Общась с Крисом, поняла, чего мне не хватает. Чувствую, что во многом он помогает мне. Даёт то, чего у меня нет. Чего мне не может дать Паша, друг, который предлагал выйти за него замуж.

— Крис и весь его район — идеальны для тебя и твоего района, — брякнул зачем-то.

— Знаю, — к моему удивлению ответила она. — Я не умею проявлять инициативу — он это делает смело и открыто. Я ужасно нерешительна — он же решает всё за нас с Верой сам. Он очень любит поговорить: можно не ломать голову, чтобы завести умную тему для разговора, он будет говорить много и без остановки, чем некоторых раздражает. Но никто, как я, не будет рад слушать и слушать его, хоть бесконечно. Он во многом категоричен и принципиален — а мы с Верой стараемся сгладить его острые углы.

Она замолчала, а я долил ей чаю. Сделав глоток, продолжала:

— Чувствую, ему нужна поддержка. Но ненавязчивая — он не переносит критики. А тихая... Поэтому он тянется к нам с Верой. Мы ведь с ней во многом похожи.

— Хм, похоже, ты знаешь Криса лучше него.

— Я же говорю: чувствую людей. Иногда общаешься и видишь: вот этого ему не хватает.

— А мне ты можешь сказать, чего не хватает? — я был заинтригован.

— Немного... Я ведь всего второй раз с тобой говорю.

Приготовился слушать. Если честно, мне казалось, что она чересчур высокого о себе мнения.

— Ты — словно черепаха, которая спряталась под своим панцирем.

— Толстая или неуклюжая? — пошутил я.

— Не перебивай, пожалуйста, — попросила она. — Ты прячешься за своей иронией, сарказмом, насмешками. Это — твой панцирь, который защищает тебя, прячет твою душу. Всем кажется: вот прикольный тип, чувство юмора у него и тому подобное. Тебе хочется, чтобы так думали. Ты не хочешь никому показывать, что у тебя внутри.

— И что же у меня внутри? — спросил не своим голосом.

— Внутри у тебя — доброе сердце. И боль, что некому подарить свою доброту. Ты страдаешь, что рядом нет человека, способного пробить бы этот панцирь, растопить лёд и наполнить любовью тебя и себя.

— И... какой человек мне нужен?

— Мягкий, терпеливый, чувствующий, открытый, немного настойчивый. Тот, кому хотелось бы довериться без лишних разговоров.

— Всё, понял.

Странно, она сказала так мало и настолько точно. Потом уточню у Криса, спрашивала ли она что-то про меня или догадалась. Но если исходить из презумпции невиновности, то задатки экстрасенса или шпиона у неё точно есть.

— Прости, если переборщила, — смущённо проговорила Гелли.

— Нормально. Думаю, тебя можно брать в помощники. Надеюсь, Милена мне простит, что не посоветовался с ней. Но вижу, от тебя будет толк.

Глаза её засияли.

— Для начала тебе информация для размышления. Люди делятся на две категории — логики и этики.

— Знаю, — снова к моему удивлению ответила Гелли. — Ещё на экстравертов и интровертов, сенсориков и интуитов...

— Что? Откуда ты знаешь?

Гелли улыбнулась:

— Моя бабушка — обладатель таких знаний. Она многое мне рассказывала.

— Серьёзно? Так что же ты раньше молчала?

— Не думала, что ищешь именно это.

Я схватился за голову.

— Да, удивляюсь, как вашу семейку ещё не прихлопнули, как стайку навозных мух.

— Мы умеем молчать. А что, это важные знания?

— Очень.

Гелли серьёзно посмотрела на меня.

— Кстати, который час? — подскочила вдруг она.

— Полдевятого.

— Как? Всё, Фредли, я побежала! Надеюсь, успею, иначе...

Она засуетилась, схватила сумочку.

— Да не торопись ты, всё успеешь.

Помог ей надеть лёгкий плащ, открыл дверь — и она выбежала, застёгиваясь на ходу.

— Увидимся!

— До встречи!

— Спасибо за чай, ни разу такой вкусный не пила.

Я улыбнулся: приятно, когда хвалят.

*****Ф*****

Она ушла, а я, просидев некоторое время в задумчивости, взялся за дневник.

Честно говоря, при первом взгляде на эту толстую тетрадь меня взяла такая тоска! А если каждый мне принесёт по штуке, буду сидеть, погрязши в них, как школьная учительница в сочинениях учеников. Решил начать с конца, с последней записи, датированной сегодняшним числом.

*****Г*****

Сегодня заканчиваю свой дневник. Хотя в тетради место ещё есть. Решила, что ему нужен конец. Сожгу его на свечке. И вычеркну из жизни всё, что накопилось здесь.

Сегодня Вера встречается с Крисом. У него. Сказала ему про мамин рожденья и разрешение пройти в «болотный» район, а Крис предложил ей встретиться там в какой-то квартире и устроить романтический ужин. О, Боже, я этого не вынесу! Да, я отказалась от него, заявила сестре, что раз он ей нравится, то отныне не претендую на него ни в коей мере. Но всё равно... Как невыносимо больно представлять их вместе. И Вера не щадит меня.

Не переживу этот день. После, счастливая и сияющая, она расскажет мне о том, как у них всё было прекрасно. Конечно, попытается смягчить рассказ, чтобы не сделать мне больно, но не надо слов — на лице у неё всё будет написано, даже если она вообще не заикнётся об этом вечере. А я? Заору на неё — перестань, уйди прочь, я ведь люблю его! Нет, никогда не заору. Мысленно скажу ей: «Ты выиграла в нашем вечном соперничестве».

И не пойду на ярмарку, прикинусь больной и буду лежать, уткнувшись носом в подушку. Хотя нет: вдруг подумает, что я больна из-за него? Нет, не хочу, чтобы меня жалели, тем

более она. Лучшие мне прикинуться здоровой, в прекрасном настроении, спросить её и выслушивать восторги.

Прости, дорогой дневник, но видишь, что нет иного выхода, только тебя сжечь. И сжечь этот период в моей жизни.

*****Ф*****

Решил, что больше не могу это читать. Кажется, понимаю, что она имела в виду.

*****Ф*****

Меня осенило: экстраверты и интроверты! Их упоминала Гелли, эти термины слышал раньше. Это ещё один параметр, как логики и этики. Если память не изменяет, то экстраверсия — это открытость, общительность, контакты. Интроверсия же — замкнутость, внутренний мир, уединение.

Себя отнёс к интровертам, Гелли тоже. Влад — дикий экстраверт, это без вопросов. Криса после недолгих размышлений зачислил в экстраверты, Милену аналогично. Оксана производит впечатление интроверта, как будто она в себе. Нора — экстраверт. Родители — тоже.

После заглянул в бумажку, чтобы проверить выводы. По ней выходит, что экстраверсия/интроверсия обозначается третьей буквой в имени. И я всё верно определил, кроме родителей: они СЭИ — интроверты. Надо же, с детства их знаю, а ошибся! Наверное, изнутри сложнее оценивать, чем со стороны.

*****Ф*****

Сегодня, возвращаясь домой, решил по пути заглянуть к своему соседу снизу, Феликсу. Был у него пару раз в гостях, помогал ему приготовить что-нибудь вкусненькое.

Но на площадке столкнулся с бугаем. Тот, увидев меня, тут же остановился:

— Эй, Фел, к тебе гости!

— А-а... — услышал замогильный возглас Феликса, который открыл дверь. «Этот — типичный интроверт», — подумал про него.

Незнакомец тем временем первый протянул мне руку. «На экстраверта похож...» — автоматически мелькнуло у меня.

— Макс. Прекрасный спортсмен, — бодрым голосом проговорил тот.

— Фредли, — усмехнулся я. — Просто Фредли.

— Фредли? Ну и имечко. А что у тебя с волосами? Ты бы хоть постригся! Такое ощущение, словно у тебя на голове дерьмо. Бомж, короче.

— А-а, — отмахнулся я.

— Нет, ты всё-таки подстригись, — настойчиво повторил он.

Я вдруг увидел у него на портфеле нашивку с логотипом «хвойного» района, где мне надавали по роже.

— Подумаю, — ответил, решив не спорить.

— Он ещё и думает... Да никакая баба на тебя не посмотрит!

— Макс, оставь его! Заходи, Фредли.

— Э, Фел, а меня не приглашаешь? Может, с гостем хочу познакомиться поближе! Точно экстраверт!

— Я мимо проходил, — проговорил я, обращаясь к Феликсу, — и заходить не собирался.

— Да ну, останься! — загородил лестницу Макс. — Тебе сколько лет?

— Двадцать три.

— А ещё есть время до свадьбы. Но ты всё-таки подстригись.

— Обязательно, — ответил я. И ушёл.

Ф

Только что вернулся домой и принимаюсь. Ощущение, будто здесь кто-то побывал. Хотя вахтёрша утверждает, что никого, но моё чутьё никогда меня не подводило. Настоящее, как у собаки. Сейчас ходил и принимался, пытаюсь уловить оттенки чужих запахов. И как будто уловил.

Кто же у меня мог быть? И что ему нужно? Счастье, что тетрадь ношу с собой. А больше у меня и искать нечего. В остальном я — примерный гражданин, добросовестный работник, интровертный холостяк, который до поры до времени живёт одинокой жизнью «тише воды ниже травы», в свободное время занимается прогулкой по барам или конструированием всяких бесполезных штук. Зачем могу кому-то понадобиться?

Бр-р-р, мерзкое ощущение...

Ф

Решил прочитать ещё часть дневника Али и вернуть его. Не стоит злоупотреблять добротой её верной подруги.

А

Очень часто завидую Миле. (Мила, ты не обижайся, если дойдёшь до этих строк, но это правда!) Завидую ей без тени зла, просто она во многом лучше меня. Так легко общается, сходится с людьми. Когда мы с ней и парнями, всё время ревную их к ней. Она может что-нибудь весёлое сказать, где-нибудь рассмеяться, где-нибудь пококетиничать. У неё это так мило и естественно получается! А я только хлопаю глазами и боюсь заплакать от обиды, потому что не могу так, как она. Я такая стеснительная, такая скованная, мне так трудно непринуждённо общаться, особенно с мальчиками. Всё время чувствую, что веду себя ужасно, что на меня странно смотрят, осуждают. Как бы мне хотелось быть похожей на Милу! Хотя бы немножечко!

Я её однажды даже к Нему приревновала. Никто не мог уговорить его открыть кладовку, чтобы достать оттуда какие-то сладости, припасённые для праздников. Никого он не слушал и был непреклонен, а ключ всегда носил на шее. А Мила уж не знаю как, но заболтала его, расшевелила и заставила открыть кладовку. А потом поцеловала его в щёку. Я с ума сходила от горя и обиды!!! Мила мне, конечно, потом объяснила, что вовсе его не любит и старалась для нас всех — я ведь тоже люблю вкусненькое. Но всё равно, попросила её ради моей любви не прикасаться к Нему больше никогда. Она дала слово. Но если нарушит своё обещание, то не смогу уже доверять ей, как раньше, и называть её подругой. Буду делать всё возможное, чтобы сохранить нашу любовь.

А

Чувствую себя одинокой. Никому я не нужна, никому нет до меня дела. Отец вечно недоволен, мама придирается по мелочам. Друзей у меня почти нет, в личной жизни пустота...

Зачем вообще тогда жить? Какой смысл? Страдать изо дня в день, существовать, бессмысленно тратить время. Может, кто-то и всплакнёт по мне, но большинство даже не заметит. Растворюсь в утреннем тумане и прольюсь грустным дождём...

Ф

Всё, хватит с меня. Спасибо Але за информацию о типе, но для себя решил, что с «охрами» лучше не общаться. Мне не понять их тонкую натуру, и лучше туда не лезть. Наверное, я законченный циник, если не могу, как Милена, считать её записи «милыми». Для меня это — некое простудное заболевание, сопровождающееся обильными выделениями из носовой полости. Как-то не везёт мне с дневниками: не могу их читать.

Хотя, если попытаться быть объективным, можно увидеть интроверсию, богатый внутренний мир, множество разных эмоций, некую оторванность от настоящего, идеализм. Не знаю, являются ли эти характеристики особенностями «охры» или это только Аля такая.

В общем если Милена сегодня придёт, с облегчением избавлюсь от этой тетради с котёнком.

*****Ф*****

Нет, я, похоже, и правда бесчувственный осёл, если уж на то пошло. Подумать только: поссориться с Миленой из-за какой-то тетрадки! Не надо было мне начинать эту тему. Только хотел поделиться с ней мыслями о том, что Аля — этик интроверт, и мне, наверное, противопоказано общаться с такими типами. Однако Милена стала мне возражать и говорить, что со своей системой я совершенно отвык воспринимать *людей* и поэтому не могу проникнуть в трагедию этой девочки.

— Да ведь она так страдает, она даже из жизни хотела уйти! Неужели тебе не жаль её?

— Она любит себя своим несчастьем, упивается им. Сама себе его создаёт. И никогда себя не убьёт, у неё пороку не хватит.

— То есть считаешь, что всё, что она пишет — это бредни больной девушки?

— Считаю, что она неплохой человек, но ей нечем в жизни заняться, поэтому разводит всю эту муть в своём дневнике. Она, кстати, не такая простая, как тебе кажется. В ней есть хищные замашки. Вспомни эпизод про ревность.

— Фредли, как ты можешь так говорить. Ты не знаешь её, она и мухи не обидит! Боже, как ты далёк от истины!

— Если я, по-твоему, прочитав дневник, не могу ничего путного сказать о человеке, — слегка покорило меня, — то не понимаю, зачем ты взялась со мной изучать систему, которая отвечает за отношения между людьми.

— Ты опять за свою систему! — воскликнула Милена с таким видом, будто изучение системы — это величайшее зло, которое только может существовать.

Не мог сдержаться и замолчал. Не хотел доводить до конфликта. Я взял от неё этот дневник только для того, чтобы исследовать типы, а не обсуждать вздохи. И тем более ругаться из-за них. Но Милена почему-то её страдания ставила выше всего остального, и мне это казалось неправильным.

Помирились мы почти сразу: всё-таки я переживал, что эта ссора может привести к негативным последствиям. Может, чего-то не понимаю, может, эта Аля — подруга Милены, и она её защищает. Поэтому произнёс примирительно:

— Давай забудем этот эпизод. Продолжим, будто ничего и не было.

Милена посмотрела исподлобья и грустно вздохнула.

— Это не совсем то, что я хотела бы слышать от тебя сейчас... Но если ты считаешь, что так лучше, то давай.

Некоторое время мы молчали. Я раздумывал над её словами, но выяснять подробнее не стал, боясь, что мы опять можем поссориться. Милена сорвала какой-то листок и теребила его в пальцах.

— Вон, посмотри на то облако, — сказала вдруг она, указывая на белую фигуру на синем небе. — На кого оно похоже?

— На резную ручку от двери.

— А по мне на изогнутую обезьяну.

Мы рассмеялись. Напряжение рассеялось. Вернул ей тетрадку и дал себе слово больше не принимать от Милены подарочки подобного рода.

А на обратном пути я спросил то, что давно собирался.

— Расскажи про своих родителей. Кто конкретно всем управляет?

Милена не сразу ответила. Остатки смеха ушли, лицо приняло задумчивое выражение.

— Сложный вопрос... Раньше я думала, что главный отец. Все так считали. Вообще у нас несколько семейных пар, но жён не допускают к политике. А из мужчин отец был во главе. Но в последнее время стала замечать, что всё неоднозначно. Среди них есть папин брат дядя Эрик. Так вот он умеет обставить всё так, что принимаются выгодные ему решения. Ведёт подковёрные игры, где-то провоцирует, где-то манипулирует. И теперь отец без него не обходится. По сути он отдал свою власть.

— Но какая выгода этому твоему дяде?

— Он... Странный немного, — Милена усмехнулась. — Одержим изучением людей. Но не с научной точки зрения, как занимаются институты. Это... как сказать... Как будто его хобби. Он в детстве на праздники совершенно дикие конкурсы придумывал. Бывали и прикольные, например, убедить кого-то в своей правоте. Но иногда такие, когда нужно было довести кого-то до слёз.

Я поёжился, представив, что мне дали такое задание на экзамене.

— Получается, что ему просто нравится доводить людей?

— Я не знаю... Мне кажется, что для него люди — как инструмент. Он пробует разное на них, наблюдает, как они реагируют, придумывает что-то изощрённое. Но я не уверена, что ему интересно прям изучать. Словно ему нравится сам процесс.

— Короче, больной садист, — заключил я.

— Не говори так! — запротестовала Милена. — Он очень нас любит и заботится, не только о своём единственном сыне. Всегда помнит, когда у нас дни рождения, и поздравляет. Всегда угадывает и здорово придумывает, что нам подарить. С ним весело, когда он в настроении.

— А если нет?

— Тогда... — она потупила взгляд. — Мы стараемся не попадаться ему на глаза.

— Ты боишься его больше, чем отца?

— Я не боюсь ни того, ни другого, — Милена тряхнула головой. — Но с отцом мне проще, он прямой и не будет вести игры.

— А ты знаешь что-нибудь... про экзамен, который я сдаю с Норой? — спросил я, поколебавшись.

— Почти ничего... А что такое?

— Просто интересно.

Уже вечером меня накрыло картинками с моих экзаменов. Я прожил их заново до дрожи в коленях и спрашивал себя: это реально Им нужно для исследований? Или это сугубо для личного удовольствия Милениного дяди?..

*****Ф*****

Ярмарка, и я бродил часа два по Центральному парку, прежде чем наконец-то встретил Гелли.

— Фредли! — обрадовалась она. — Как раз тебя ищу.

У неё был немного бледный и осунувшийся вид, словно она провела бессонные ночи. Горячо поздоровался с ней.

— Неважно выглядишь, — проговорил я.

Но тут же спохватился, что девушкам говорить такие вещи запрещено. Однако она не отреагировала, как обычная девушка, а отмахнулась:

— Дел много... Не высыпаюсь.

Мы, не сговариваясь, пошли по одной из тропинок. Было пасмурно, но тепло. Где-то стучал дерево дятел.

— В общем Гелли, — сразу приступил я к делу, — не могу читать твой дневник.

Она едва заметно улыбнулась:

— Неужели ты начал с конца?

— Да, и...

— Тогда понятно. Но на самом деле тебе сложно абстрагироваться от автора. Это только вначале. Представь, что читаешь дешёвый любовный роман. А обо мне не думай — у меня больше нет ничего общего с этим дневником.

«Говорит как о человеке», — подумал я.

— Ладно, — сказала вдруг она. — Мне хотелось рассказать тебе то, что знаю.

— Да, было бы здорово.

— С логиками-этиками ты разобрался?

— Почти. Ты, например, этик.

— Да, этик, — ответила она с гордостью и оглянулась по сторонам, словно ища слушателей.

Не понял, но не стал углубляться, взял на заметку.

— А вот со второй категорией не совсем. Кроме того, что экстраверты общительны, а интроверты более замкнуты, ничего не обнаружил.

— Это не совсем так, — поправила Гелли. — Экстраверты — как правило, общительны. Но особенность их том, что для них в первую очередь важны события, происходящие во внешнем мире. Например, кого-то встретили. Где-то услышали про кражу денег. Что-то случилось с их другом. И так далее. А для интровертов важнее то, что происходит у них внутри. Пусть там вокруг хоть мир рушится, но вот пришла ему на ум какая-то мысль или ощущение — они могут с этим целыми днями носиться, для них это — событие. А общительность-замкнутость — это следствие, которое иногда может не соответствовать стереотипам.

— Это тебе всё бабушка рассказала?

— Конечно. И кое-что я сама. Я ведь с детьми работаю, а они — сама непосредственность. Очень здорово наблюдать.

— А почему ты, — спросил вдруг я, — веришь своей бабушке?

Гелли как будто удивилась. Мы присели на скамейку.

— А почему бы и нет?

— Она никогда не говорила, откуда у неё знания?

— В детстве она немного рассказывала про своего мужа, деда Игната. И что это всё от него. Но он давно погиб на войне.

— На какой войне, Гелли?

Девушка смутилась.

— У нас их нет, я знаю... Но, может, раньше были? Локальные?

— Разве что до Великого Потопа.

Гелли сглотнула.

— Бабушка не любит говорить о прошлом. Может, поэтому я и перестала её расспрашивать. Расстраивается и уходит от темы.

— Ну, ладно, если её знания действительно работают, то неважно, каким путём она их получила, — решил я завершить тему, заметив, что Гелли огорчил наш разговор. — Давай вернёмся к торговым рядам, глядишь, встретим кого.

Она согласилась. Однако желание моё сбылось раньше: перед нами откуда ни возьмись вырос Алек с каким-то очкастым юношей, который, как выяснилось, Ник, недавно начавший работать в Центре.

Первой моей реакцией было — ускорить шаг под стук сердца и пройти мимо. Никаких контактов, мне нельзя. Ник тоже сделал вид, что не замечает нас. Но Алек, напротив, очень мне обрадовался, хотя за всё время работы мы ни разу не смотрели друг другу в глаза.

— О, Фредли, здорово! — он протянул мне руку. — Алек! — отрекомендовался он Гелли и с серьёзной улыбкой кивнул.

— Гелли.

Ник пробурчал своё имя под нос.

— Это хорошо, что ты с девушкой, — подмигнул мне Алек.

Гелли слегка покраснела.

— Почему? — не понял я, но вдруг вспомнил, что это ему Милена рассказала про наш уговор.

— Потому что никто не будет беспокоиться, что ты и Ми...

— Стой. С чего ты взял вообще, что...

— От Них ничего не скроешь.

Он странно хмыкнул, а я ощутил тревожный холодок в районе сердца.

— Смотри, Ник: чудище в бигудях! — Алек вдруг указал на проходящую мимо экстравагантную даму, которая действительно несколько выделялась своим внешним видом. — Разве так можно на люди показываться? И куда её муж смотрит?

— Муж, судя по всему, решил дать дёру со скоростью света, — с комичной серьёзностью ответил Ник.

— Ну конечно! — радостно поддержал Алек. — И как я сразу не догадался? Я его вполне понимаю: проснуться утром в кровати и увидеть ЭТО.

— А она, похоже, бросилась за ним, что даже в зеркало не успела глянуть.

— Другого, поди, соблазняет!

Оба крепились до последнего, но в конце концов закатились смехом: Ник каким-то тихим и вздрагивающим, а Алек — громким раскатистым, что называется, от души. Этот, похоже, экстраверт и этик.

Гелли тоже хихикнула, а мне было не до смеха.

Успокоившись, Алек посмотрел на меня внимательным взглядом:

— Передать что-нибудь Милене? — и снова подмигнул.

Я напрягся, не понимая, какую игру он ведёт. Но только пожал плечами:

— Единственное, что могу кому-либо передать — это тарелку супа, который варю на работе.

Алек снова захохотал. Не знаю почему, но на этот раз его безудержная весёлость меня тихо раздражала. Я не мог испытывать к нему доверия и хотел уйти. А Ник... Кто он?

Словно прочитав мои мысли, Ник, почесав переносицу и заикаясь, обратился к Алеку:

— Вот ты... один смеёшься, а людям вовсе не смешно. А если не смешно... то они могут подумать что-нибудь такое о тебе, что тебе тоже станет совсем не смешно. Он всегда такой, не берите в голову, — он повернулся к Гелли. Почему к ней?

— А я люблю, когда смеются, — улыбнулась она.

Устав от непонятного разговора, я заявил, что нам пора. Попрощавшись, мы с Гелли повернули в другую сторону.

— Как тебе этот тип? Алек, — спросил у Гелли.

— Он весёлый. Но немного переигрывал.

— А по-моему, ему действительно смешно.

— Да, смешно. Но буквально на миллиметр смеялся он больше, чем ему хотелось.

— Как ты это подмечаешь? — удивился я.

— Я так живу.

— Значит, ему нельзя доверять?

— Почему же. Часто люди ведут себя не так, как они есть на самом деле. Это не значит, что всем им нельзя доверять.

— А его спутнику?

— Мне сложно сказать так сразу. Я ведь только первый раз их увидела. Ты сам-то им доверяешь?

— Да как тебе сказать... — пожал плечами. — Я с детства жил по принципу: хочешь сказать — скажи прямо, без утайки. Хочешь по морде врезать — пожалуйста. Больно, зато честно. А вести скрытые игры, плести интриги, распутывать отношения — от всего этого стараюсь держаться подальше.

Гелли улыбнулась.

— Ты прав, конечно... Но часто прямо сказать — язык не поворачивается. Да и страшно это. Столько наглости иметь. — Гелли вздохнула. — Знаешь, что мне показалось? Алек себя вёл так, словно пытался спровоцировать тебя на какую-то реакцию. Хотел, чтобы ты проговорился, выдал себя. А его друг боялся, что из-за этого Алек произведёт на тебя плохое впечатление.

— Возможно, — ответил я. И вдруг сказал. — А знаешь, давай на время забудем о всяких загадках, людях и поговорим о чём-нибудь совершенно другом!

— О женщине в бигудях?

Мы рассмеялись.

Уже после подумал, что она ужасно нелюбопытна. Не спросила меня, кто такая Милена, кто такой Алек. В принципе мне это импонирует.

Ф

В этот раз Милена с горящими глазами рассказала, что заметила интересный документ в Их главном столе в библиотеке. Это таблица, и там точно есть что-то про типы. Хочет залезть в библиотеку и изъять.

— Нет ничего проще, — убеждала меня она во время нашей ставшей традиционной прогулки. — Днём в библиотеке обычно работают родители, а вот ночью должно быть пусто. Нужно лишь достать ключ и забраться туда — вот и всё.

Я был не в восторге. Ещё не понял, что имел в виду вчера Алек, но ощутил, будто мой поводок более короткий, чем я себе представлял.

— Всё это очень подозрительно. Вряд ли Они хранят важные документы на видном месте.

— Это точно связано с типами! Там было что-то про дуальные отношения, я успела заметить. И это не то чтобы видное место. Это стол дяди Эрика, а нас в библиотеку не допускают одних, только если есть кто-то из взрослых. Поэтому просто так войти и взять не получится.

— Тогда тем более это дело, которое может иметь неприятные последствия.

Милена скептически оглядела меня:

— И где твоя смелость? Где желание разобраться во всём? По-моему, пока нет причин для излишней осторожности.

Я вздохнул.

— И как ты собираешься это проверить?

— Могу попросить помочь Алека. Или вот Аля, за неё ручаюсь.

Я поморщился.

— Никаких посторонних лиц, мы же договаривались. Если возникнут неприятности, то лучше отвечать своей головой, а не чужой.

— Тогда я сама. Достану ключ...

— А если не достанешь?

— Залезу через окно. Сомневаешься?

Милена говорила так, будто это пустячное дело. Чем легкомысленнее она была, тем серьёзнее мне всё казалось.

— Нет уж, если лезть, то только мне одному.

Милена запротестовала.

— Ты не знаешь ни помещения, ни коридоров, и в случае чего окажешься беспомощен, как муха в паутине. Буду тебе гидом в любом случае. Либо ты не лезешь.

В итоге договорились: сделаем вылазку вдвоём. Уже дома я подумал, что вроде бы не собирался соглашаться, но...

Ещё открытый вопрос с ночёвкой. Я уйду после семи вечера, а всё надо проверить ночью.

Решили не спешить. К такому ответственному делу надо подходить с наибольшей тщательностью и осторожностью, продумать всё до мелочей. Обидно было бы попасться на пустяке. Не хочу, чтобы эта вылазка стала последним событием в моей жизни.

*****Ф*****

На завтра объявили День встреч. Не знаю, с чего это его сделали на неделю раньше. Но я выдохнул: лишней выходной никогда не лишней.

*****Ф*****

Прошло уже два месяца с того дня, как взялся за свой исследовательский дневник. Пора подводить некоторые итоги. Что я сделал для раскрытия системы за время ведения дневника:

1) Проанализировал номера паспортов, определил значение каждой цифры, нашёл те, которые отвечают за характеристику типа в системе.

2) Узнал про отношения дуалов, на себе ощутил, как интересно это работает.

3) Побывал в двух районах нашего четвертака, описал факты моего в них пребывания, людей, их характер. Понял, то, что нас объединяет — первые две буквы: Л (логика) и С (вероятно, сенсорики).

4) Обрёл новые знакомства, некоторые из которых стали хорошим источником информации.

5) Узнал и на практике понаблюдав, кто такие логики и этики, экстраверты и интроверты.

6) Получил подсказку — аббревиатуры всех типов по квадратам.

7) Собираюсь проникнуть в один из жилых корпусов Резиденции с целью изъять некий ценный документ.

С одной стороны, сделано немало, могу себя поздравить. Как будто начинает складываться картинка, кто есть кто. Становится всё увлекательнее погружаться и разбираться.

С другой стороны, если оценивать моё состояние, то в последнее время я стал хуже спать. Просыпаюсь среди ночи, иногда подолгу не могу уснуть. Не знаю, с чем это связано. Надеюсь, временные сбои в организме.

Дальше планирую с большей осторожностью продолжать свои исследования, если меня не поймут во время ночной вылазки. Это дело мы, кстати, назначили на завтра: день встреч, правила снимаются, пробраться легче всего. Так что ещё неизвестно, как повернётся моя жизнь после завтрашней ночи. В любом случае, если со мной что-то случится, у меня уже есть коллеги-подвижники, которые, будем надеяться, изымут мою тетрадь, воспользуются накопленными мной знаниями и продолжат начатый мной путь. Так что затянем пояс — и вперёд.

Тс-с-с... (Г)

Г

Тс-с-с... Надвигается ночь. Слышишь её тяжёлые бесшумные шаги? Она ждёт нас за дверью. Мы с Эль скоро отправимся к ней в гости. Пойдём в Яблоневый сад — ближе к краю района. Есть такое поверье, что если загадать желание и съесть в глухую ночь в этом саду яблоко, то желание исполнится.

Правда, у Окраины проживает иной народ — преступники, сумасшедшие и прочие отверженные обществом люди. Но, как свидетельствует статистика, в нашем районе их невероятно мало. Да и Эль всегда мечтала посмотреть поближе, как они там живут. Так что это нас не пугает.

У неё странно горят глаза при свете лампы. Небось задумала она что? Там видно будет.

Тс-с-с...

Г

Вот я и дома! После всех приключений кажется, что это нереально. Тем не менее это так. Эль завалилась, а я не могу спать. Запишу всё.

Мы вышли из дома, благополучно минуя спящую вахтёршу. На улице было по-весеннему свежо, хорошо дышалось. Жаль, нам не разрешается гулять ночью. Мы столько теряем в своей и так не особо радостной жизни.

Было так тихо-тихо, что первое время стояли и прислушивались. Потом потихоньку направились в нужную сторону, стараясь не шуметь. Наверное, нам было слегка жутковато. Плюс ко всему возможность быть пойманными дружиной в нарушении закона добавляла адреналинчику в крови. Но я изучила закон, можно было отделаться штрафом. К счастью, нам никто не встретился из проверяющих.

Вскоре ходьба вернула нам уверенность и хорошее настроение. Шли и вполголоса обсуждали то, что загадает каждый из нас. Я сразу сказала, у меня наивное желание — выйти замуж по любви за своего дуала и жить с ним счастливо. А Эль колебалась... Она хотела что-нибудь загадать про Сержа, но не знала как: замуж она за него не хотела, а что ей надо было — сама не знала. (Странно, мы говорим так, будто нам позволено создавать семью, с кем заблагорассудится). Потом она всё же сформулировала желание: чтобы он её любил.

Пыталась отговорить её. Предложила: загадай абстрактнее, я вон не указала имя, чтобы не ошибиться. Но она не хотела. Ей нужен только Серж. А он ещё та скотина. Я всё понимаю, когда ему было 7, его маме пришла повестка. Такое трудно пережить ребёнком. Но он-то уже взрослый! И это не оправдывает его эгоистичного поведения с женщинами.

Всё это я, конечно, подруге не сказала. Мы поднялись на пригорок, затем прошли ещё какое-то время — и ни разу не встретили человека. Действительно, все спят. Однако вскоре мне почуялось, как меняется атмосфера вокруг — как будто в сонное царство просачивается ветер жизни. Ночной жизни. И мы увидели указатель: «Яблоневый сад».

Остановились возле этой стрелки, собрались с мыслями и пошли туда.

Боже мой. Это было страшно. Мы были совсем одни. Но там какие-то существа... Может, птицы. Звери. То ветка хрустнет. То звук странный раздастся. И темно. Как в подземелье. Ни звезды на небе.

Тряслись от страха. Не повернули назад только потому, что дошли сюда. Стали искать яблоки. Но яблок не было.

— Мы заблудимся здесь, Гелли... — прошептала Эль мне на ухо. — Давай не будем далеко отходить.

— Ага, — шепнула в ответ.

Крадучись, медленно шли дальше. Яблоко не было. Неужели все уже разобрали себе по желанию? А как же нам?

Вдруг увидела одно на ветке. Сжала руку Эль и показала туда. Она подошла и попробовала потрясти дерево. Не вышло. Оно лишь слегка покачнулось. Тогда я попыталась дотянуться сухой веткой. Сначала не получалось, но потом задела яблоко — и оно упало к нашим ногам.

Совсем небольшое. И только одно.

— Пойдём дальше? — спросила я.

— Нет. Ты съешь его. А мне не надо. Уйдём отсюда скорее.

— Уверена?

— Абсолютно.

Я сильно и не возражала. Мне не нравилось желание Эль. Но и своё желание загадывать эгоистично. И я подумала: «Пусть Эль найдёт свою любовь и будет счастлива». И съела его.

Мы драпанули из леса. Шли быстро и боялись оглянуться — казалось, все чудовища мира набросятся на нас сзади. Когда вышли, звёздная ночь показалась нам ярче дневного солнца. Вздохнули свободнее.

Остановившись у дороги, думали, идти ли дальше, к Окраине. С той стороны был виден свет, огни и как будто бы слышалась музыка. Так странно. Как они живут? Кто к ним ходит? Свободны ли они? Насколько мне известно, государство их особо не трогает. Нас давно терзает любопытство: а что там, за чертой?

Но в эту ночь мы туда не пошли. Устали. Решили в другой раз. К тому же мы теперь имеем ночной опыт. И вернулись домой.

А по пути поссорились. Она спросила меня про желание, что я загадала, и я зачем-то ответила. Эль обиделась на меня. Причём серьёзно. Я испугалась: это была первая ссора за всё наше общение!

— Какое право ты имеешь решать за меня, что мне лучше, и вмешиваться в мою жизнь? Я, может, не хочу большой любви, хочу мучиться, и мне от этого будет хорошо? — спросила она обвиняющим тоном.

— Но ты же несчастна при этом! — возражала я.

— С чего ты взяла? Ты не знаешь меня, не знаешь, что для меня счастье. Ты не любишь Сержа, потому что он не отвечает твоим представлениям о счастье. А моим — отвечает. И я люблю его.

Я не узнавала её. Вот как конфликт меняет людей... Нельзя до такого опускаться.

— Прости меня, — как можно смиреннее сказала я. — Давай я вернусь и перезагадаю желание.

— Не надо, — ответила она, сбавив тон. — Думаю, оно не повлияет на меня.

Остаток пути шли молча. А я всё думала: действительно ли я не права, что вмешиваюсь в её жизнь? Похоже, что так. Ведь если бы кто-нибудь решил за меня, что мне будет лучше, не спросив моего мнения, сильно бы обиделась. Но я всегда считала, что желать счастья и любви ближнему — это хорошо. И, что ни говори, и теперь так думаю.

В конце концов она тоже извинилась. Сказала, что не должна была так реагировать. И мне стало легче.

Какая красивая ночь за окном! Как тихо! И спокойно. Хочется чего-то, не знаю чего. Не сидится на месте. Словно внутри что-то тормозит меня: давай! Но я выключаю свет и погружаюсь во тьму. Доброй ночи!

Ох уж и наше правительство! (Ф)

*****Ф*****

Ох уж и наше правительство! С какого, интересно, перепугу оно решило раз в год разрешать любому жителю любого четвертака и района бывать в абсолютно любом месте нашего города без соответствующего разрешения.

Или это со мной что-то не то? Ведь раньше надевал удобную одежду, брал подарочки и отправлялся навещать родителей в соседний четвертак. Как, собственно, все нормальные люди и делают. После них к дедушке — пока тот не умер. И к остальным родственникам, к кому успею. Вот и весь мой незамысловатый путь (был до сегодняшнего дня).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.